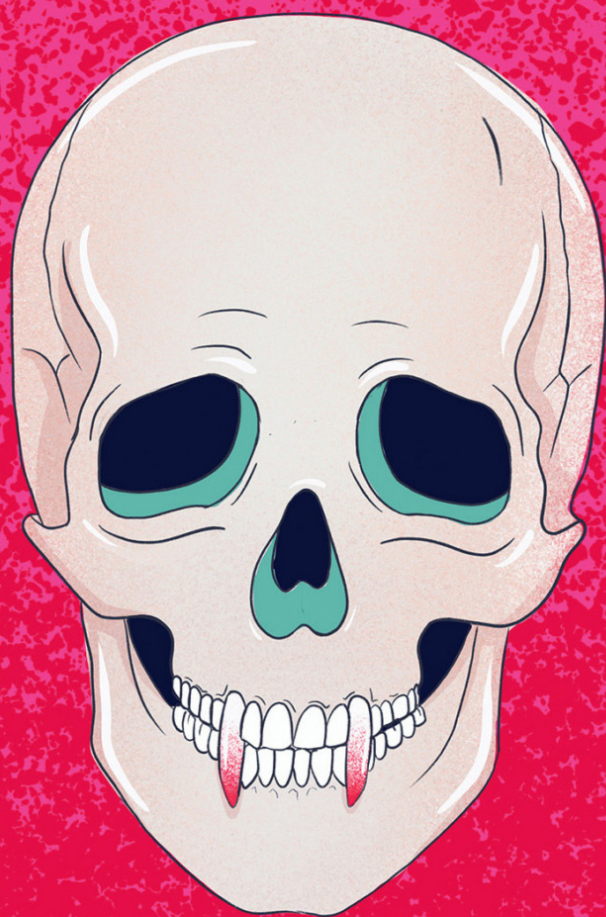

ВАМПИРЫ

НЕ СТАРЕЮТ
СКАЗКИ СО СВЕЖИМ ПРИВКУСОМ

18+

САМИРА АХМЕД • ДОНИЭЛЬ КЛЕЙТОН
ТЕССА ГРЕТТОН • ХЭЙДИ ХЭЙЛИГ • ДЖУЛИ МЁРФИ
МАРК ОШИРО • РЕБЕККА РОАНХОРС
ЛОРА РУБИ • ВИКТОРИЯ ШВАБ • КАЙЛА УЭЙЛИ
ЗОРАЙДА КОРДОВА, НАТАЛИ С. ПАРКЕР

Young Adult. Сумеречная жажда

Виктория Шваб

**Вампиры не стареют:
сказки со свежим привкусом**

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-82(73)
ББК 84(7Сое)я43

Шваб В.

Вампиры не стареют: сказки со свежим привкусом / В. Шваб —
«Эксмо», 2020 — (Young Adult. Сумеречная жажда)

ISBN 978-5-04-159543-2

«Вампиры не стареют» — сборник из одиннадцати рассказов о вампирах от самых популярных молодежных писателей. Среди них авторы бестселлеров Виктория Шваб, Джули Мёрфи, Тесса Граттон, Самира Ахмед и многие другие. Экранизация от Netflix. Продюсером выступает Эмма Робертс («Американская история ужасов», «Нерв» и др.). Вампиры — порождения тьмы и лунного света. Они могущественны и опасны, соблазнительны и притягательны. Они пьют кровь людей или сидят на вегетарианской диете. Некоторые светятся на солнце и разъезжают на крутой тачке. Другие ведут дневники и повсюду таскают с собой ручного ворона. Авторы этого сборника, современные популярные писатели, расскажут вам свои истории о вампирах и попробуют ответить на многие извечные вопросы. Почему все вампиры красавчики? Если они ни в чем не отражаются, то могут ли делать селфи? И почему они никогда не стареют?

УДК 821.111-82(73)
ББК 84(7Сое)я43

ISBN 978-5-04-159543-2

© Шваб В., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Введение	7
Семь ночей, чтобы умереть	8
Создание мифов,	19
Парни Кровавой реки	20
Укусы и кровь,	37
Выпускной класс – отстой	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Зорайда Кордова, Натали С. Паркер

Вампиры не стареют

Vampires Never Get Old: Tales with Fresh Bite

Zoraida Córdova, Natalie C. Parker

© 2020 by Zoraida Córdova and Natalie C. Parker.

“Seven Nights for Dying” © 2020 by Tessa Gratton.

“The Boys from Blood River” © 2020 by Rebecca Roanhorse.

“Senior Year Sucks” © 2020 by Julie Murphy.

“The Boy and the Bell” © 2020 by Heidi Heilig.

“A Guidebook for the Newly Sired Desi Vampire” © 2020 by Samira Ahmed.

“In Kind” © 2020 by Kayla Whaley.

“Vampires Never Say Die” © 2020 by Zoraida Córdova and Natalie C. Parker.

“Bestiary” © 2020 by Laura Ruby.

“Mirrors, Windows & Selfies” © 2020 by Mark Oshiro.

“The House of Black Sapphires” © 2020 by Dhonielle Clayton.

“First Kill” © 2020 by Victoria Schwab.

All rights reserved.

Published by arrangement with Macmillan Publishing Group, LLC. All rights reserved.

Jacket illustration by Adriana Bellet

Jacket design by Jessica Lauren Chung

Серия «Young Adult. Сумеречная жажда»

Перевод с английского В. Ивановой

Художественное оформление Ю. Девятовой

© В. Иванова, перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Тем, кто изголодался по необычным, темным историям.

А также Джули Мёрфи и Тессе Граттон за то, что услышали нас, когда мы сказали: «Знаете, чего нам не хватает? Вампиров».

Введение

Заметка от ваших редакторов:

Вампиры – порождение фантазии. Мифа и лунного света. Ужаса и обожания. Когда мы сели, чтобы приступить к работе над этой антологией, никто из нас не смог вспомнить, когда впервые столкнулся с мифом о вампирах. Их присутствие так глубоко пустило корни в нашей культуре, что добраться до истоков в нашем воображении оказалось просто невозможно. Мы вспомнили все истории, что читали в школе – «Дракулу» Брэма Стокера и «Вампира» Джона Уильяма Полидори, – а также те, с которыми познакомились позднее – «Интервью с вампиром» Энн Райс и «Сумерки» Стефани Майер, – но что было первым? Никто из нас не мог сказать.

Почти все из вампиров в нашем коллективном воображении – западноориентированном, надо признать, – это герои историй о власти. Несмотря на распространенный гомосексуальный подтекст и выдающиеся небелые примеры, как «Рассказы Гильды» Джуэл Гомес, вампиры – преимущественно мужчины, белые, цисгендерные, гетеросексуальные, физически крепкие. И мы были готовы к историям, по умолчанию подразумевающим такой расклад.

С помощью рассказов этого сборника мы хотим доказать, что нет единого способа описать вампира. В конце концов, существо, способное менять внешность, может носить множество лиц и рассказывать множество историй. В этой книге представлены вампирские истории, дополняющие и переосмысливающие традиционные сказания. После каждого рассказа мы, ваши редакторы, предлагаем короткие заметки, касающиеся мифов о вампирах и того, как наши авторы вносят новизну в художественные средства, которые мы все знаем и любим.

Мы надеемся, что этот сборник вдохновит вас на изучение историй, которые уже были рассказаны, прекрасного собрания мифов, существующих в мире. Мы также надеемся, что он вдохновит вас выдумать собственных монстров, осмыслить их сквозь призму вашего собственного опыта. Вампиры могут не существовать в реальности, но историями о них мы можем делиться. Вампиры бессмертны, способны перерождаться и обречены всегда жить в наших ночных кошмарах. Потому что вампиры никогда не стареют.

Мы очень рады, что вы решили присоединиться к нам в этом путешествии из гроба в темноту.

*С наилучшими пожеланиями,
Зорайда и Натали*

Семь ночей, чтобы умереть

Тесса Греттон

Измаил сказал мне, что из девочек-подростков выходят лучшие вампиры.

Это прозвучало как стихотворная строчка, но он уже побывал у меня в штанах, так что я была склонна ему верить.

Он нашел меня благодаря рисункам, развешанным на стене в «Эль Кафе», где я работала. Я принесла несколько набросков и попыталась наклеить их на открытые кирпичи с помощью клея, за что меня отmaterили, а Томас сказал, что, если я не могу придумать способ развески, который не повредит стену, возможно, я не заслужила права быть художницей. Я протянула веревку от настенной вешалки до полки и прикрепила к ней свои рисунки. По десять долларов за каждый. Я работала над ними, когда не могла уснуть по ночам, пока смотрела телевизор с выключенным светом или после полуночи, когда мне светили только уличные фонари через окно. В таких условиях сложно заметить ошибки, так что я могла лишь втирать в бумагу свои чувства и продавать их как оттиски мрачного настроения. Понимаете?

Я знаю, что делаю.

Измаил пришел в конце дня в четверг, когда мы работали до семи. В январе, так что солнце уже давно село. Меня там не было – я предпочитаю открывать кафе, пусть мне и приходится быть на месте уже в пять утра, потому что я работаю одна и просто раскладываю всё по местам, ничего не мою. Включаю автомат эспresso, опускаю стулья, выбираю радиостанцию, проверяю наличие молока и всего прочего и жду, когда мисс Тина принесет маффины на день. Солнце восходит позади нашего квартала магазинов, так что свет как будто постепенно накаляется, пока в разгар утра не поднимается над зданиями и не отражается от смотрящих на восток окон магазина напротив, ослепляя меня до слез, хоть я и стою в глубине кафе за стойкой.

Очевидно, Измаил заказал капучино с насыпанной поверх пенки корицей, напоминающей высохшую кровь, и держал его перед собой, рассматривая мои рисунки. Купил один из них под названием «Вой» и спросил, как связаться со мной, чтобы кое-что у меня заказать. Томас сказал ему, что меня можно застать во время открытия кафе в выходные или во вторник, когда у меня поздно начинаются уроки в школе и я работаю до девяти утра.

Он уже ждал в субботу, когда я открыла дверь ровно в половине седьмого. Для постоянного посетителя в этом не было ничего необычного. Да я и не возражала, потому что этот вампир был ну просто очень симпатичным. Маловат ростом для парня, но двигается, как атлет, знаете, который может сорваться с места еще до того, как вы успеете что-либо понять. Он был в узких джинсах, рубашке на пуговицах и жилете с цветочным узором, и это сработало. Одежда отлично сочеталась со светлой, нежной, как персик, кожей, темно-русыми волосами, аккуратно уложенными за уши, и зелеными глазами. В смысле, прямо зелеными. Как океан. Как хвост русалки. А движения его рук были такими неспешными. На указательном пальце он носил странное блестящее черное кольцо, которое словно парило в воздухе, когда он указывал рукой, протягивал мне деньги и засовывал десятку в банку для чаевых.

(Это стало первым предупреждающим флажком, привлечшим мое внимание.)

А еще он был намного старше меня. Лет тридцать, как мне показалось, или, может, двадцать пять, прежде чем я увидела его глаза, которые делали его еще старше, потому что он не моргал и не оглядывался вокруг. Его пристальный взгляд задержался на мне, потом на моих рисунках, потом на кассовом аппарате. На что бы он ни смотрел, он *смотрел только на это*.

Он сказал, что ему понравился мой стиль, и спросил, как у меня это получается – «Золой в темноте», – ответила я, – и он тихо рассмеялся, в то время как его лицо особо ничего не

выражало. Потом он спросил, не хочу ли я выставиться в галерее. Если да, то я должна прийти и посмотреть место, а потом мы поговорим.

Я достала свой телефон и сказала:

– Мне нужна ваша фотография, чтобы отправить в полицию, если я вдруг исчезну.

Когда я приподняла телефон, он улыбнулся, и, Пресвятая Дева Мария, что это была за улыбка. Я сделала снимок и отправила его Сидни со словами: «Если я исчезну, этот парень по имени Измаил Абрамс хочет выставить мои рисунки в галерее». На что она ответила мне: «Надеюсь, он просто хочет, чтобы ты ему за это дала», – и добавила кучу эмодзи в виде баклажанов.

В первый раз он укусил меня прямо в промежность, но мне было плевать, потому что он только что загубил меня для всех остальных парней. Но не для всех остальных девушек – девушки в этом куда лучше, особенно Сидни.

Как бы то ни было, полагаю, где-то там внизу есть вена.

Другая вампирша, Сети, согласилась, что из девочек-подростков определенно получаются лучшие вампиры, но не по той причине, по которой думает Измаил. Она сказала, дело в том, что девочки-подростки одновременно крайне обозленные и очень легко ко всему приспосабливаются, а именно это необходимо для выживания на протяжении столетий.

Я спросила, почему Измаил это сделал, и он ответил: «Из-за твоего искусства», словно это было очевидно. Он прислонился к затемненному окну своей квартиры этажом выше галереи (да, у него таки была галерея). На нем был шелковый халат, покрывавший его тело мягкими складками в поистине вампирской манере. Он протянул руку к трубке кальяна, медленно затянулся и выпустил струйки дыма по бокам от своих крошечных клыков, словно чертов дракон. (Кальян на основе розового табака и яблочного сока – слишком ядреный, на мой вкус.)

Сети закатила глаза и откинула голову, так что ее густые огненно-рыжие кудри свесились позади спинки кушетки. Одна ее нога покоилась на подушке, а другая была прижата к мозаичному полу – обе в армейских ботинках. Она была почти голой, если не считать шорт из красного бархата и майки, словно сплетенной из паутины. Даже свет камина касался ее смуглой кожи осторожно, словно мог ее обжечь. Мне бы очень хотелось заняться сексом и с ней.

Она сказала:

– Измаил, ты прямо настоящий викторианский бродяга, – а мне: – Дело в лобной доле твоего мозга, она еще не вполне развита. Так что ты по большей части знаешь, кто ты, но готова идти на большие риски, не требуя значительной награды. А людей, которых растят в этой отвратительной стране в качестве девочек, учат ко всему приспосабливаться. Так что вы вырастаете целеустремленными – или бесполезными.

Я была более чем уверена, что Сети родилась где-то на Среднем Востоке, но очень, очень давно. Ее нос был таким, каким я представляла себе нос Сфинкса, а еще было что-то особенное в ее бровях. Плюс имя, которым она пользовалась. Я проверила – это было имя какого-то фараона. Она была моложе Измаила – обоим было где-то около века, но внешне она выглядела

на девятнадцать или двадцать. Я спросила, откуда она, и она ответила, что ее народа больше нет, но это не важно.

– Я не рассказываю эту историю кому попало. Поделюсь с тобой, если доживешь до ста.

Они дали мне выбор. Жить вечно, как дитя ночи (да, Измаил именно так и сказал), или забыть их и дожить до конца моих дней, сколько бы их ни осталось, при свете солнца.

Следующим утром, лежа рядом с мамой, я обо всем ей рассказала, просто чтобы выговориться. Мама постоянно повторяла, что, если дать себе выговориться, это поможет найти верное направление. Когда я всё объяснила, стало понятно: раз уж я так громко заявляла, что не могу выбирать, с кем хочу спать – от своей природы не уйдешь и так далее, – сейчас мне стоит отнестись к выбору, кем и чем я хочу быть, очень и очень серьезно.

– Ты бы хотела жить вечно, если бы у тебя была такая возможность? – спросила я у Сид, когда мы шли по коридору во время перерыва. Когда на улице было холодно, мы обе проводили час в аудитории с мисс Монро, и я обычно читала то, что нам задали по биологии. Тогда мне не приходилось нести этот увесистый учебник домой.

Сид наклонила голову и подтянула скрученный пояс своей плиссированной юбки. Я всю зиму ходила в брюках, но Сид говорила, что когда она подтягивала юбку настолько, чтобы каждому учителю хотелось взять линейку и проверить, не слишком ли юбка короткая согласно уставу школы, – только тогда она по-настоящему чувствовала себя католичкой.

– Как какой-то Горец, или вампир, или типа в петле времени? – Сид знала эту игру.

– Как вампир. – Я даже не старалась принять безразличный вид – я смотрела на нее так, словно безумно хочу вонзить свои зубы в ее белую шею.

Ее губы изогнулись в улыбке, потому что ей нравилось, когда я становилась такой чертовски напряженной, она говорила, что это мой художественный облик. Она толкнула бедром дверь в аудиторию.

– Наверно. Ну, если бы вампирам не приходилось жить вечно, а можно было бы просто жить столько, сколько хочешь. А людей нужно будет убивать?

(Я задала Измаилу тот же вопрос. Он провел костяшками пальцев по моей обнаженной ноге и сказал: «Нет, но *можно*».)

Я покрутила головой.

– Единственный недостаток – солнце?

Мы выбрали изогнутый ряд выцветших старых театральных кресел и плюхнулись вдали от большинства одиннадцатиклассников, у которых тоже не было урока.

– И святая вода, и кое-какая магия.

– Магия, ага, значит, мы не какие-то вирусные вампиры, а демонические.

Сети и Измаил не показались мне какими-то особенно демоническими, но, полагаю, технически это было верно.

– Ага.

– Думаю, я могла бы согласиться, но, наверно, подождала бы пару лет до совершеннолетия. И, может, попыталась бы скинуть парочку фунтов.

У меня округлились глаза. Об этом я даже не подумала. Если превращение сохранит мое тело таким, какое оно сейчас, у меня навсегда останутся это пузо и складки жира вокруг лифчика.

Я сползла по театральному креслу вниз, чтобы положить затылок на спинку и уставиться в потолок.

– А ты будешь жить вечно вместе со мной? – прошептала Сид мне в ухо.

Такой опции не было – вампиры четко дали мне это понять. Только я, и, если я попытаюсь обратить кого-то в первые пятьдесят лет, они убьют нас обоих.

Я быстро поцеловала ее.

– Конечно. Мы будем вместе править ночью и бесчинствовать по всему свету.

Тем вечером Измаил вывел меня на долгую прогулку по району Пауэр энд Лайт¹, где бары обменивались неонами и басами, словно на языке любви. Замерзшие парочки и компании друзей перебежали от ресторана до отеля или парковки в облачках выдыхаемого ими тумана над головами, похлопывая ладонями перед своими ртами, одетые в куртки друг друга, смеющиеся и матерящиеся на мороз. На мне было длинное пальто и шарф, но Измаил впервые накормил меня своей кровью, и я едва чувствовала холод. Эта магия согревала меня изнутри. Семь ночей подряд – это было основой ритуала. Он пьет мою кровь, я пью его. Если бы мы остановились после шестой, то несколько дней мне было бы плохо, а потом я бы выздоровела. Но осталась человеком.

Мы пошли на север от Центра Спринта мимо темных зданий делового центра, пока бары не отделились друг от друга, а местных, направляющихся домой или уговаривающих своих маленьких собачек пописать на двух квадратных футах покрытой инеем травы, не стало больше тусовщиков. Я просунула руку под локоть Измаила, что показалось ему очаровательным, и он не возражал против топота моих ботинок по тротуару, в то время как его ноги ступали совершенно бесшумно. Он был сексуальной тенью и мог защитить меня абсолютно от всего.

Я спрашивала себя, каково было бы идти по этой улице одной и всё равно не бояться. Никаких ключей, сжимаемых между пальцами наподобие кастета, никакого учащенного пульса, и если бы кто-то назвал меня лесбиянкой, я могла бы без лишних волнений послать его на три буквы – или, что еще лучше, разорвать его проклятое горло.

– Ты взволнована, – тихо произнес Измаил.

– В этом всем такая власть.

– Да. И опасность. Ты должна будешь, если присоединишься к нам, научиться думать о том, как выжить не только завтра, но и в следующие десять или сто лет. Составлять планы, основы на вечность. Только тогда ты сможешь позволить себе жить в моменте. Ты можешь казаться человеком, но только если будешь думать, как монстр.

– И что это значит?

– Повсюду есть камеры и телефоны, подслушивающие нас. Мы выживаем, потому что нас не ищут. Если кто-то захочет найти тебя – захочет найти вампира, – они найдут. В этом мире невозможно спрятаться, теперь невозможно, и у тебя должна быть личность.

– Поэтому у тебя есть галерея.

– Чтобы я мог платить налоги. Я в системе.

– Звучит скучновато.

Он одаривает меня настоящей улыбкой – слишком прекрасной, чтобы описать словами.

– Нет никакой скуки в том, что ты понимаешь.

– Звучит прямо как стих, – с трудом проговариваю я, едва способная дышать после такой улыбки.

¹ Район ресторанов, магазинов, офисов и развлечений в центре Канзас-Сити, штат Миссури, США.

– Представь, что можно сделать, когда у тебя есть десятилетия на обучение. Представь, какими могут быть твои рисунки через сто лет, после того как ты поживешь в Таиланде, Германии и Новом Орлеане. Представь, с кем ты можешь познакомиться. Что ты можешь испытать.

Мы приблизились к Речному рынку, где рестораны стали более вычурными или, по крайней мере, имели в названиях слова типа «гастропаб», и я подумала о том, чтобы всё это нарисовать: падающий под углом свет от витрин магазинов впереди и мерцание звезд – одно теплее другого. Смогу ли я изобразить что-то вроде теплоты?

– Это стоит солнца? – тихо спросила я.

– Ты научишься создавать свое собственное.

Я подумала о Таиланде и Новом Орлеане, о танцах и выворачивании языка от нового наречия и новых понятий. Подумала обо всем том сексе, который у меня мог бы быть. О музыке, которую я могла бы услышать. И у меня вдруг защемило в груди.

Неожиданно для себя я заплакала.

Слезы немного подмерзли на моих ресницах, и, когда я попыталась их стереть, под пальцами у меня было что-то холодное и сухое.

Измаил не делал ничего – только держал меня за руку.

– Отведи меня к моей маме, – попросила я.

Его вздох был крайне меланхоличным, но он исполнил мою просьбу.

Я поделилась с мамой смехотворным аргументом, что оплата налогов помогает монстрам выжить. Это была ее любимая забава – находить смешное в унылом. Однако вместо того, чтобы шутить, я пожаловалась на несправедливость жизни. Разве маме не понравились бы музыка со всего мира и изучение всех языков? Как же фигово, что она не может быть вампиром вместе со мной.

Или вместо меня.

В следующую ночь ритуала, после того как я коснулась пальцем крови на запястье Измаила и нанесла каплю, словно «дизайнерский» наркотик, на свой язык, Сети повела меня на прогулку.

Она сказала:

– Измаил умен, но я знаю, как жить.

Мы пошли в клуб, который был в прямом смысле подпольным. Он время от времени появлялся в пещерах под берегами реки, объяснила Сети, и я определенно была для него недостаточно взрослой, но она провела меня внутрь.

Я танцевала и задыхалась, целовалась и визжала, позволив музыке накрыть меня с головой. Она дала мне рюмку дорогой текилы, похожей по вкусу на миндальный леденец, и позволила мне прижаться к ней, словно обещая нечто большее. Когда Сети вонзила ногти в мою руку, я пошла за ней. Я смотрела, как она пьет кровь из локтевой впадины какой-то женщины, в то время как та терлась спиной о Сети. Потом Сети поцеловала меня, на губах у нее был вкус крови, и мне было немного жутко, если честно.

– Когда ты станешь одной из нас, это будет единственный восхитительный вкус на всем свете, – прошептала она мне уже потом, распластавшись на кровати Измаила. – Я знаю, что ты испытала отвращение. Хочешь ли ты стать тем, кто жаждет почувствовать этот вкус? Нельзя выживать вечно, если ты ненавидишь себя.

Сидя на кресле у камина, Измаил выдохнул с легким несогласием. Буквально.

Я тоже растянулась на кровати, свесив голову и положив ноги поперек ее тела, но его я видела перевернутым. Я чувствовала, как кровь приятно пульсирует под кожей головы и в некоторых других местах.

– Почему я? – спросила я.

– Из-за твоего искусства, – отстраненно ответил Измаил, театрально уставившись на огонь. То же он ответил, когда я спросила его, почему, по его мнению, из девочек-подростков получают лучшие вампиры.

– Уф, – фыркнула я.

Сети засмеялась.

Измаил перевел взгляд на меня.

– Я считаю, что искусство должно развиваться. Сейчас ты уже прекрасно рисуешь, но, как я сказал, представь, на что ты будешь способна через сотню лет.

Сети вдруг встала на колени, согнувшись надо мной. Протянув руку, она схватила меня за волосы и подтянула мою голову вверх. В ее ясных карих глазах светилась страсть.

– Представь, что ты сможешь *изменить* через сотню лет!

Я приподнялась, насколько это было возможно, так как она всё еще держала меня за волосы. Напряжение перетекло в меня по ее рукам, и я чувствовала себя так, словно дрожу, оказавшись перед чем-то крайне важным.

Она спросила:

– Что вызывает в тебе злость? Мы можем исправить это. Мы можем формировать историю, потому что мы способны делать понемногу за раз, дитя. Сердце здесь, разум там, потом еще и еще – по всему миру. Иметь цель – вот что помогает выживать годами.

– Сети нравится соблазнять общественных деятелей и писать гневные посты в блоге, – сказал Измаил.

Он оказался прямо за мной, способный двигаться быстрее, чем любой человек.

– Это работает, ты, выплачивающий налоги лизоблюд, – проворчала Сети.

Его рука схватила ее за горло, и она отпустила меня. Я отползла в сторону, но Измаил улыбался.

– Социалистическая шлюха, – прошипел он.

Я стянула с кровати покрывало и поднялась на крышу, когда их борьба переросла в секс. Воздух на улице был холодным, но очень чистым, и розовый на востоке, за всем остальным городом, совсем не был цветом крови.

Я составила для своей мамы список всего в мире, что я бы изменила. В нем была всего одна строка.

На пятую ночь ритуала Исмаил пришел в мой дом, бунгало 1920-х годов, через две улицы от квартала богачей, окружающего мою старшую школу. Я была в спальне и растирала постели при свете нескольких свечей с ароматами сосны, глентвейна и апельсинового сока. Он сморщил нос от отвращения.

– Это бабушка впустила тебя? – спросила я, протягивая ему тяжелый бумажный лист. Большинство людей брали мои работы за уголок, чтобы не испачкать пальцы углем, но Исмаил взял ее так, словно это был подарок.

– Нет, она не знает, что я здесь, – задумчиво произнес он, изучая мазки черного и темно-оранжевого. Это был шероховатый гранат, грубо разломанный на две половины. Из него сочились прозрачные капли, а внизу лежали пять крошечных зернышек – маленькие красные пятнышки, нанесенные моим мизинцем. При более ярком освещении на них, наверно, можно было разглядеть даже линии моих отпечатков. Я на это надеялась.

Губы Исмаила приоткрылись, он сделал вдох и нежно улыбнулся мне.

– Очень хорошо, моя Персефона, получи свое следующее зернышко.

Я протянула руку, и он поднял ее, лизнул кожу на ладони и подул, щекоча тончайшие волоски на моей руке. Он притянул меня к себе и поцеловал мое запястье, прикасаясь языком и нежно посасывая, пока у меня не задрожали колени, а пальцы не вцепились в его бедро. Мой рисунок в другой его руке задрожал, он положил его на кровать и впился в меня зубами.

После этого он усадил меня к себе на колени, пока его кровь растекалась по моей кровеносной системе.

– Тебе не нужно прощаться с ними прямо сейчас, – прошептал он. – С ними всеми. Ты можешь не делать этого, пока сама не захочешь. Или пока они не захотят.

«Это хорошо, – подумала я, понимая, что в любом случае попрощаюсь с ними очень скоро. – Затянутая смерть – отстой. Смерть, о которой ты знаешь, что она уже рядом, – или прощание, о котором ты знаешь, что оно уже близко, – смягчают всё до состояния боли. Ждать прощания – это то же самое». Я сжимаю зубы, чтобы перестать думать об этом.

– И часто ты это делаешь? – спросила я с закрытыми глазами. Мы оба сидели на моем стуле, и ближайшая к нам свеча на столе источала яркий аромат свежей, неукрашенной новогодней ели.

– Да, – его руки обняли меня – мягко, поддерживающе и холодно. – Многие не проживают и года, но те, кто выживает, почти всегда молодые женщины. Тебе необходимо жить, я думаю, из-за всего, чего ты была лишена. Ты уже голодна, и все юные девушки, которых я встречал, были голодны – это облегчает переход. Ты знаешь, как жить с голодом. И со злостью – Сети была права насчет этого. Не с любой злостью, не древней мужской злостью, отточенной ядовитой неприязнью, а праведным гневом, который словно наполняет тебя светом.

– Я не чувствую злости, – ответила я.

– Чувствуешь.

Следующим утром, когда я открыла «Эль Кафе», вошла Сид, чтобы, облокотившись на стойку, пофлиртовать над американо и выполненными в последнюю минуту задачами по математике.

Когда моя смена закончилась, она отвезла меня в школу. В этот утренний час парковка была заполнена, так что мы оставили машину на соседней улице и пошли к главному зданию школы по хрустящей под ногами каше.

– Что не так? – спросила она.

Я пожала плечами. Так много возможных ответов.

Сид натянула поверх ушей вязаную шапку, так что ее коротких волос почти не было видно. На ней было длинное пальто и высокие сапоги, но голые колени порозовели и обветрились за время двухминутной прогулки.

– Ты злишься? – спросила я, когда мы дошли до широкой лестницы из песчаника, и остановила ее, положив руку в перчатке ей на плечо.

– На тебя? А есть за что? – Она опустила бровь.

– Нет, нет, просто – в целом. Злишься на состояние мира. Например, на системное угнетение, патриархат и... на то, как отвратительна эта страна.

– Конечно.

– Конечно? – Я поджала губы, абсолютно уверенная, что ответ в духе «да без разницы» на самом деле означает «нет». Я взбежала по ступенькам и влетела в дверь, навалившись на нее всем весом, чтобы открыть.

Сид догнала меня.

– Дело в твоей маме?

Я прямо зарычала, как чертов вампир. Обнажив зубы.

– Да ну на хрен, – огрызнулась она, обходя меня.

Когда она уходила прочь, ее короткая юбка покачивалась с совершенно отчетливым «Ну, теперь я точно злюсь, сучка».

Я подумала о Персефоне и ее шести зернышках граната. Одну половину года она ходила с богом смерти, а на другую половину возвращалась домой к своей матери. Лучшее от обоих миров. Может, именно это меня и злило.

В ту ночь, шестую ночь, я спросила Сети:

– Что, если я захочу кого-то убить?

– Сделай это так, как сделал бы человек, чтобы не привлекать внимания. Напейся, но перережь горло ножом.

Я содрогнулась, спрашивая себя, стану ли я однажды таким старым монстром, что смогу произнести подобное с легкостью.

– Сложно выпить столько крови, чтобы убить взрослого человека, – продолжила она, уводя меня вниз по лестнице в подпольный бар. – Если только не делать это медленно. Мы редко присасываемся к большим артериям, потому что их сложнее контролировать. Слишком сильное давление, ты начинаешь давиться, а брызги крови на одежде выглядят подозрительно. – Она дотронулась пальцем до моей нижней губы. И сладострастным тоном добавила: – Для нас лучше, когда приходится слегка посасывать.

Я фыркнула:

– Ясно, это чтобы не слишком увлечься этим приятным процессом и случайно не выпить из кого-то всю кровь без остатка. А что насчет чеснока, крестов и прочей фигни?

– Чеснок проникает в кожу и кровь и может быть просто невыносимым, но он не опасен. Кресты, соль, святая вода и всё подобное могут быть пропитаны магией, которая разрушает нашу, причиняя нам вред, но в наши дни это редкость. Этот вид магии почти никто больше не практикует. Только обычные защитные заклинания, сглазы и благословения.

– А есть, ну, типа, охотники на нас?

– Конечно, но у тебя больше шансов быть ударенной молнией.

– А это нас убивает?

– Гарантированно.

Сети очаровала вышибалу и проскользнула за столик, так что мы уселись на высокие стулья, попивая дымящиеся коктейли из маленьких хрустальных бокалов на ножках.

– А солнце?

– Смертельно.

– Почему?

– Оно разрушает магию или убивает демона в нашей крови, полагаю. Ты не вспыхнешь пламенем, но все твои физические изъяны и раны вернутся стократ, так как ты умерла, и ты постареешь. Солнце разрушит заклинание, и ты станешь мертвой, как должна была.

– Прямой солнечный свет? Или любой?

– Прямой, иначе полная луна нас бы тоже поджаривала.

– Ты когда-нибудь видишь рассвет?

– В кинотеатре.

– Надо нарисовать его, пока я еще могу.

Сети медленно расплылась в улыбке:

– Так ты решилась?

В этот момент мне захотелось сбежать.

Когда мы вернулись в квартиру над галереей, там, помимо Измаила, был маленький мальчик. Одиннадцати или двенадцати лет, светлокожий, с медными волосами, с щечками, что называется, как у херувима, и одетый, как взрослый, в узкие джинсы, отполированные лоферы, голубую рубашку на пуговицах с закатанными до локтей рукавами и яркий галстук цвета морской волны с крошечными желтыми цветочками.

– Это Генри, – представил его Измаил. Щеки его были окрашены в ярко-розовый цвет, так что он либо ликовал, либо гневался, либо же в нем было ну *очень* много крови.

Мальчик кивнул мне, как в костюмированном фильме, подняв свои огромные светлогриазные глаза. Потом он улыбнулся, и клыки, выглядевшие крошечными во рту Измаила, показались просто огромными над аккуратными губками этого мальчика.

– Приветствую вас, мисс.

– Ребенок-вампир! – не смогла я сдержать невоспитанный вскрик.

Сети фыркнула. Измаил коснулся моей щеки одной рукой, а костяшками пальцев другой провел по слегка выющим волосам Генри.

– Это знак, дорогая: Генри самый старший из моих живых исчадий. Он приехал ко мне как раз вовремя, чтобы поговорить с тобой.

– Это называется, девочки-подростки – самый большой твой успех, – произнесла я, рассмеявшись. Я была ошарашена и одновременно взволнована. Здесь был такой маленький ребенок, который мог в два счета разорвать мне горло.

– Люди, которых вырастили как девочек, – вот как я говорила, если быть точнее, – поправила меня Сети, улыбаясь. – Разве не так, Генри?

Маленький мальчик вздохнул, словно старик, и пошел к серванту, чтобы налить себе стакан виски.

Измаил сказал:

– Я жил как священник во Франции в пятнадцатом веке – в те дни Церковь была самым безопасным местом для монстров, находящихся при ней, – и служил семье мелкопоместного лорда. Генри, пятый ребенок моего лорда, пришел ко мне, чтобы исповедоваться и покаяться

– он злился на Бога и до ужаса боялся, что у него вырастет грудь и округлятся бедра и живот, как у его сестер. Он знал, что должен был стать мужчиной, именно об этом он мечтал, снова и снова, хотя это было грехом. Я сказал: «Я не могу сделать твое тело мужским, но я могу сделать тебя таким же сильным и предотвратить твое превращение в женщину.

– Я решил, что это чудо, а отец Самюэль – ангел, – произнес Генри со значительной долей иронии в голосе.

Я присела на кушетку. Генри протянул мне свой стакан с виски, разрешая сделать глоток. Я в изумлении смотрела на него, а потом задала миллион вопросов о том, каково это – жить в теле ребенка на протяжении почти пятисот лет. Он ответил на некоторые из них.

Несколько часов спустя я позволила Измаилу дать мне шестое зернышко.

На биологии я всматривалась в Сид, чувствуя себя невероятно старой. Я извинилась перед ней, но она проигнорировала меня.

– Загладь свою вину, – сказала она, и я дала ей обещание.

Но я смотрела на нее, спрашивая себя, что она скажет и долго ли будет скучать по мне. Это будет так же, как если бы я умерла? Что все они скажут?

Мама говорила мне: то, что люди говорят о тебе после смерти, – твое единственное наследие. Тогда я не хотела этого слышать. Сейчас я хотела слышать это больше всего на свете.

В седьмую ночь – последнюю ночь – я пошла на кладбище. Проскользнуть туда в темноте было просто, как и всегда.

Измаил откуда-то узнал, паршивец, и уже дожидался меня там. Он стоял, прислонившись к маленькому гранитному обелиску в нескольких могилах от маминой. Ветер колыхал полы его пальто и кудри у него на виске.

Я остановилась, обхватив себя руками.

– Что не дает тебе покоя? – прошептал он. Ночное небо будто подхватило его голос и осторожно донесло до меня.

– Она заслуживала того, чтобы жить вечно, – прошептала я в ответ, пытаясь не расплакаться.

Измаил долго молчал. А потом произнес всего одно слово:

– Заслуживала?

– Она не была злой, не была стервой, она всегда старалась помочь людям. Я совершенно не такая, так почему я, почему не она? Злость не должна быть ключом к бессмертию, ты, мудака. Разве не должно им быть сочувствие, доброта или что-то хорошее?

– Сети сказала бы, используй свою злость, чтобы исправить это. Измени мир, говорит она.

– А что ты говоришь, Измаил?

Он подошел ближе ко мне, молчаливый и серый на фоне ночного неба.

– Я говорю, что злость так же ценна, как и сочувствие, если творит искусство, подобное твоему.

Застонав, я сжала руки в кулаки. И так вдавила их себе в глаза, что увидела сверкание красных звезд.

– Сегодня, – произнес он, стоя уже слишком близко, и его слова были едва громче дыхания, – сегодня последняя ночь. Если ты придешь ко мне, всё, что у меня есть, станет твоим. Если не придешь – больше никогда меня не увидишь. Хотя я не могу обещать, что не буду смотреть на твои творения, находясь где-то в этом мире.

Я открыла глаза, но его уже не было.

В прошлом сентябре, завернувшись в одеяло, которое мы стащили из больницы, мама сказала:

– Я живу благодаря тебе, малышка. – Она поежилась, опустила тонкие, как бумага, веки и откинулась на спинку каминного кресла. – Благодаря тому, что ты говоришь обо мне. Что ты помнишь обо мне.

– Это слишком тяжелое бремя! – закричала я – в прямом смысле закричала на нее. – Слишком большая ответственность. Мне всего семнадцать, мама.

– Ты несешь мир на своих плечах, – прошептала она, погружаясь в сон. – Вы все несете. Ладно, я злилась.

Нет, я была в бешенстве, свернувшись калачиком возле надгробного камня мамы, подняв ноги и руками прижимая их к груди. Я стучалась лбом о свои коленки с искаженным от напряжения лицом.

Мне до боли не хватало ее. Настоящей, физической боли. Что, если превращение в вампира сохранит и ее? Эта боль постоянно была со мной, всё время. Словно часть меня, внутри моих костей.

– Прыщи у тебя на лбу пройдут, а вот жир на животе останется, – сказала Сети в ответ на мой вопрос. Она посмеялась надо мной. – Магия сохраняет нас такими, какие мы есть, почти в идеальном нашем состоянии. Жаль, что ты думаешь, будто эта пухлая булочка неидеальна, но скоро ты научишься видеть иначе. Доверься крови, магии. Всё, что она оставит тебе, часть тебя.

А что, если я превращусь в вампира и эта боль уйдет? Словно это не часть меня? Что, если магия крови вынет ее из меня? Это будет даже хуже – лишиться ее.

Я медленно приоткрыла дверь галерейной квартиры и подтолкнула ее носком своего зимнего сапога. Измаил ждал у камина, облокотившись на него, словно фотомодель. Сети лежала на кровати на животе, задрав ноги и медленно покачивая ими вперед-назад. При виде меня она расплылась в триумфальной улыбке.

Я спросила:

– А горе – оно как злость? Я заберу его с собой?

Измаил ответил:

– Подойди, и я покажу тебе, что на самом деле это всё лишь любовь.

Это *совершенно точно* была стихотворная строка, но я поверила и ей.

Создание мифов, или Как появляются дети-вампиры?

*Зорайда Кордова
и Натали С. Паркер*

Как и для многих других сверхъестественных ночных существ, для вампиров существуют особые правила создания. Эти правила редко повторяются от истории к истории. В некоторых традициях всё что требуется – получить укус вампира, и, вуаля, ты уже кровососущий злодей! В других нужно обменяться с вампиром кровью, в третьих это делается с помощью проклятья, а есть и такие, в которых волк, перепрыгнувший через вашу могилу, заставит вас подняться из нее в качестве вампира. Большинство историй, с которыми мы знакомы, включают какой-то вид трансформации: из человека в вампира, из доброго в злого, из живого в нежить. Иногда у того, кто превращается, нет выбора. Что нам нравится в истории Тессы – это то, что выбор полностью лежит на героине, и ей приходится делать его не в одночасье, а на протяжении семи ночей.

Если бы у вас был выбор, вы бы хотели жить вечно?

Парни Кровавой реки

Ребекка Роанхорс

– Это всего лишь песня, Лукас, – произносит Навея тоном, полным презрения. – Никто не верит, что Парни Кровавой реки и вправду появятся, если спеть ее, – она стоит, прислонившись округлым бедром к старинному музыкальному автомату, что притулился в углу «Закусочной Лэндри», и водит ярко-голубым ногтем по списку песен, выбирая подходящую для вечерней уборки.

Опершись на швабру в моих руках, я наблюдаю за ней. Она такая уверенная. Так хорошо владеет своим телом. А я... нет. Я слишком худой, слишком нескладный, слишком высокий. Что-то среднее между птенцом и Слендерменом², как если бы Слендермен был шестнадцатилетним подростком с бугристым лицом и волосами, которые он никак не может уложить нормально, сколько бы геля на них ни мазал. Если бы Слендермен был ни капли не крутым.

– Твой брат верит, – заявляю я.

Она качает головой.

– Честно, Брэндон последний из всех, кто хоть что-то знает об истории Кровавой реки, и тем более о Парнях.

Она бросает на меня быстрый взгляд и тут же его отводит. Я знаю, что она старается не смотреть мне в глаза, словно отсутствие зрительного контакта позволит ей и дальше не признавать, что мой левый глаз окружает наливающийся синяк. Словно если не смотреть на этот синяк, то его как будто и вовсе нет.

Но непринятие чего-то не заставляет это «что-то» исчезнуть. В большинстве случаев из-за этого всё становится только хуже.

– Ты не веришь в Парней, так ведь? – спрашивает меня Навея.

Навея работает в закусочной вместе со мной, и из всех окружающих она ближе всего к понятию «мой друг», но даже она мне не друг. Если быть честным. Она старше меня и почти окончила местный колледж, в то время как мне нужно еще год отучиться в старшей школе. Это если бы я собирался ходить на уроки. А меня вот-вот исключат. Навея умная, намного умнее меня. Но она ошибается насчет Парней.

– Брэндон определенно знал всё в деталях, – нервничая, возражаю я. Я не хочу, чтобы она разозлилась на меня. Она чуть ли не единственный человек в этом городе, кто хотя бы разговаривает со мной. Но она ошибается. Я это знаю. – Их побег, их убежище за старой шахтой, то, что они сделали, когда за ними пришли горожане.

– А что насчет песни? – спрашивает она, снова фокусируя взгляд на музыкальном автомате. – В это ты веришь?

– Нет. – Это была наименее правдоподобная часть. Но даже ответив «нет», я тут же жалею, что не сказал «да». – Но...

– Тссс... Вот мой микс. – Она давит на маленькую белую кнопку, и через пару секунд начинает играть песня. Однако не та, что я ожидал.

Из музыкального автомата вырывается медленный стон скрипки в сопровождении ритмичного постукивания по барабану из стиральной доски³, а потом и банджо, мягкий перебор струн которого напоминает женский плач. Потом начинает петь мужчина:

² Он же Тонкий человек – персонаж, созданный участником интернет-форума Something Awful в 2009 году.

³ Музыкальный инструмент, представляющий собой оригинальную стиральную доску или предмет с аналогичными свойствами, специально изготовленный для исполнения музыки.

*«Я шагал вдоль реки, мне луна освещала дорогу,
Я догнал паренька, дружелюбен и мил был он очень...»*

Навея нахмуривается.

– Это не та песня, которую я выбрала. – Она ударяет ладонью по боку автомата, но песня продолжает играть:

*«Но под маскою ангела прятался демон жестокий,
Что лишил меня жизни той ночью».*

– Это песня Парней Кровавой реки, – произношу я непривычно высоким от волнения голосом. – Та, о которой мы только что говорили! – Я никогда ее раньше не слышал, но это точно была она. Когда Лэндри успела добавить ее в автомат?

По позвоночнику у меня пробегает дрожь, когда скрипка присоединяется к мелодии в минорном ладе, и я не уверен, в музыке ли дело или в чем-то еще, но в зале как будто становится холоднее, а за тонкими оконными стеклами – еще темнее.

– Я ее не выбирала! – жалуется Навея. Она снова хлопает рукой по проигрывателю. – Сама заиграла. – Она бросает на меня подозрительный взгляд. – Если это какая-то дурацкая шутка, Лукас...

*«Он сказал мне: я с гневом рожден и в печали спеленут,
Получив, что положено мне, пировать буду кровью...
Урожай наш созрел, и пришли мы собрать нашу жатву».*

– Я этого не делал! – протестую я, смеясь. – Это ты сделала. Если кто тут и играет, так это ты.

– Ну, тогда выключи ее! – В ее высоком голосе звучат нотки паники, и я понимаю, что она говорит серьезно. Я выпускаю из рук швабру, так что она со стуком падает на пол, в три быстрых шага подскакиваю к задней части музыкального автомата и нажимаю на кнопку экстренного выключения.

Несколько мгновений мне кажется, что он не отключится, словно мы оказались в каком-то в фильме ужасов и эта вещь живет сама по себе, но, конечно же, автомат вырубается, как ему и положено.

Наступает тишина. Свет за стойкой меркнет из-за скачка электричества, неоновая вывеска на окнах моргает, а потом напряжение восстанавливается с резким свистом. Откуда-то с улицы в ночи доносится вой.

У меня по коже пробегают мурашки из-за накатившей волны страха. Мы с Навеей переглядываемся.

– Никогда больше не разрешим Брэндону рассказывать нам страшилки, – говорит она, нервно проводя ладонями вверх по рукам.

– Определенно, – рассеянно отвечаю я, вглядываясь в ночной мрак. Я не уверен, что именно и почему я там высматриваю. Просто такое чувство...

Навея вздрагивает, словно от холода.

– Я только что говорила тебе, что, если спеть эту песню, эти уроды тут же объявятся, и ты ее включаешь? Тебе не кажется, что это немного слишком?

– Я же сказал, это не я.

– Ну, кто-то же это сделал!

За окном мелькает тень. Там кто-то есть, на парковке. Наверно, енот или скунс. Но большой.

– Наверно, это Брэндон, – бормочет Навея.

– На парковке?

– Что? Нет. Наверно, это Брэндон установил эту песню. – Она выглядывает в большое переднее окно. – Что ты имел в виду, говоря «на парковке»?

– Ничего. Просто мне показалось, что я увидел животных в мусоре, – может, это был Брэндон. Ему вполне могла показаться очень веселой идея напугать нас до ужаса. И всё же. Как он мог установить ее заранее? И Лэндри никогда бы не согласилась на такое. Она очень настороженно относится ко всему, что касается музыкального автомата.

– Я хочу домой, – говорит Навея, засовывая руки в карманы толстовки. – Это всё уже слишком.

Я вздыхаю. Я тоже хочу домой. Ночь теперь выглядит очень мрачной, словно над нами кто-то подшутил, а мы не в курсе.

Она вытаскивает из кармана телефон, снимает блокировку и яростно что-то печатает.

– Где Брэндон? Так и знала, что надо было заставить его дожидаться конца моей смены.

– Могу тебя подвезти, – даже говоря это, я внутренне содрогаюсь. Может, это уже слишком, слишком самоуверенно. Как я говорил, мы, в общем-то, не друзья.

Она поднимает на меня взгляд, и я вижу, как эмоции сменяют друг друга у нее на лице: удивление, подозрение, сомнение, пока, наконец, всё остальное не перекрывается ее желанием как можно быстрее выбраться отсюда.

– Ладно, конечно. Почему нет.

Я улыбаюсь, испытываю странное облегчение. Возможно, ее отказ на мое предложение подвезти задел бы меня сильнее, чем я готов признать. Дело не в том, что Навея нравится мне в этом плане. Мне ни одна девушка не нравится в этом плане. И она это знает. Но я городской лузер. Никто не хочет проводить слишком много времени с лузером. Это могло бы улучшить мою ситуацию.

Она наклоняется, поднимает швабру, которую я уронил, и протягивает мне. Я киваю на тряпку и брызгаю из бутылки на стойку.

– Будет быстрее, если ты поможешь.

Она неодобрительно фыркает, но перегибается через стойку, хватая средства для уборки и приступает к работе. Я начинаю мыть полы, и мы убираемся в тишине – никто из нас больше не хочет связываться с музыкальным автоматом. Но я не могу выбросить эту песню из головы, и прежде чем успеваю это понять, мы оба начинаем ее напевать.

Осознание приходит к нам обоим одновременно, и мы умолкаем. Никто из нас не поднимает взгляда, словно по молчаливому соглашению притворяться, будто ничего не произошло, но ужас проникает мне под кожу, заставляя сердце биться быстрее обычного.

Примерно в полночь мы решаем, что постарались достаточно. Навея помогает мне убрать все средства, и у двери я пропускаю ее вперед, после чего запираю закусочную. Я останавливаюсь на парковке, выискивая глазами тень движения, которую видел ранее, но ничего не вижу. Говорю себе, что это наверняка был всего лишь енот, как я и подумал.

Мой старый автомобиль еле тащится по пустым улицам Кровавой реки. Я вообще бы отказался от машины, если бы у меня был выбор, но она была нужна мне, чтобы возить маму на еженедельные приемы к врачам в больницу в соседнем городке. По этой же причине я устроился на работу к Лэндри. Моя зарплата, если ее так вообще можно назвать, тратится на оплату этого куса металлолома, а всё, что остается, уходит на медицинские счета мамы.

Кровавая река – совсем небольшой городок. Примерно четыре квадратных мили размеченных улиц. Мы находимся в двух дюжинах миль от основной автомагистрали. Это один из тех городков, что были важны, когда здесь проходила железная дорога и были полны зернохранилища. А сейчас, с автострадами федерального значения и самолетами, когда никто больше не выращивает зерно в таких количествах, люди сюда не приезжают. Кровавая река – то, что

некоторые назвали бы умирающим городом. В смысле, здесь есть закусочная, футбольные игры старшей школы довольно популярны в пятничные вечера, а некоторые места пытаются завлечь туристов на речные сплавы и нахлыстовую рыбалку в близлежащей реке, но единственное, чем мы по-настоящему известны, что дало название этому месту, – это кровавая резня.

Что не пользуется особой популярностью у туристов.

Мы проезжаем старое кладбище и ползем по пустым улицам мимо заросших дворов и одноэтажных бунгало с облезающей краской на дощатых стенах. Я сворачиваю, где просит Навея, и мы подъезжаем к трейлеру на блоках и куче битых машин, как попало припаркованных на гравии.

– Мне сюда, – говорит она.

Я останавливаюсь. Мы почти не разговаривали по дороге.

Она открывает пассажирскую дверь. На потолке загорается маленькая лампочка, и я вижу ее лицо. Ее кожа цвета белого персика, практически полная противоположность моей темной, а волосы выкрашены в блонд, темные у корней. Ногти у нее длинные и ярко-голубые, с маленькими стразами на кончиках. Она замирает, высунув одну ногу в голубых джинсах, в то время как всё остальное тело пока в машине. Она оглядывается на меня, прикусив нижнюю губу, широко распахнув светло-карие глаза.

– В чем дело? – настороженно спрашиваю я.

– Спасибо за то, что подвез, – говорит она. – Я знаю, что люди в городе делают тебе много дерьма, потому что ты...

– Индеец?

– Гей.

Мы оба краснеем от смущения. Тишина растягивается, словно еще один одинокий квартал этого свалочного города.

– Мне жаль, что так получилось с твоим глазом, – торопливо произносит она.

Мое сердцебиение учащается, но я морщусь, словно не понимаю.

– О чем ты?

– О том, что Джейсон Винтерс избивает тебя, что он и Тод Твинс постоянно избивают тебя. О том, что по этой причине ты не ходишь в школу. Ну, поэтому и потому что твоя мама больна.

Я тупо таращусь на нее, желая, чтобы она на хрен заткнулась.

– Мне кажется, именно поэтому тебе так нравится история о Парнях Кровавой реки. Это как фантазия, верно? Идея о том, что эти Парни придут и спасут тебя от твоей дерьмовой жизни в этом дерьмовом городе.

Мое лицо вспыхивает, краска заливает и шею.

– Мой интерес к Парням Кровавой реки вообще никак с этим всем не связан, – с безразличным видом вру я. – Это просто хорошая история.

– Уверен?

– Абсолютно.

– Потому что я бы на твоём месте...

И я вижу, что она не собирается понимать намека.

– Доброй ночи, Навея, – говорю я, протягивая руку и открывая ее дверь еще чуть шире. Она хмурится.

– Доброй ночи! – повторяю я.

Она откидывается на спинку и протягивает свою ладонь к моей. Я одергиваю руку. Это происходит на автомате, ничего личного, но ее рука висит в воздухе. Свет над нашими головами отражается в стразах на ее ногтях. Она убирает руку и говорит:

– Я пытаюсь быть доброй к тебе. Пытаюсь проявить сочувствие.

– Оставь себе, – грублю я, и уже в тот момент, когда эти слова вылетают у меня изо рта, я жалею о них. Но я не знаю, что она имеет в виду под сочувствием. Для меня оно пахнет жалостью белой девушки, а я не хочу, чтобы Навея меня жалела. Я бросаю многозначительный взгляд на ее трейлер, на развалюхи перед ним. «Ты ничем не лучше меня, – говорю я без слов. – Просто оглянись вокруг».

Ее лицо искажается, и внутри у меня всё опускается неподъемным грузом. Я веду себя, как полный придурок, и знаю это, но всё равно не возьму свои слова обратно.

Она кивает и выходит из машины. Закрывает дверь, и свет на потолке гаснет, погружая меня в темноту.

Стыд накрывает меня с головой, и я издаю стон, проводя рукой по лицу. Зачем я это сделал? Неудивительно, что у меня нет друзей. Неудивительно, что Джейсону Винтерсу нравится пинать меня в лицо. Я же ушлепок.

Я жду, когда она дойдет до двери, и, как только она исчезает внутри трейлера, отъезжая под звук скрипящего под шинами гравия. Я уже на полпути домой, когда, изо всех сил стараясь не думать о том, что сказала Навея, вдруг осознаю, что снова напеваю эту песню. Балладу о Парнях Кровавой реки.

Позднее, уже после того, как всё закончится, я буду спрашивать себя, могло ли всё получиться иначе, если бы я что-нибудь сказал. Извинился за то, что повел себя, как мудака, признался бы, чего я хотел и почему меня так интересовали эти Парни, рассказал о том, что чувствую из-за мамы и всего остального. Может, Навея бы что-нибудь ответила и какими-нибудь волшебными словами или теплым прикосновением изменила бы всё. Но я этого не сделал, она, соответственно, тоже, и всё пошло именно так, как уже случилось в нашем умирающем городке, названном в честь кровавой резни.

На следующее утро я обнаруживаю, что напеваю песню Парней Кровавой реки в душе. И позднее, пока варю яйца на завтрак. И снова, когда подготавливаю для мамы лекарства на день, раскладывая их в маленькие отдельные чашечки, чтобы ей не пришлось угадывать дозировку.

И я понимаю, что мне придется принять тяжелый факт. Навея, может, и не верит в Парней Кровавой реки, но я-то верю. Я верю в них всем своим сердцем. Сердцем, которое словно рассыпается в пыль в моей груди, сердцем, израненным настолько, что иногда мне кажется чудом, что оно вообще еще бьется.

Еще год назад, полагаю, мое сердце было достаточно нормальным для подростка моего возраста. Но потом мой двоюродный брат Уоллес умер от передозировки наркотиков, мой друг Роки переехал обратно к отцу, живущему в большом городе, и, как только начался учебный год, заболела мама. Поначалу никто не верил, что она тяжело больна, и я меньше всех, но к октябрю она уже постоянно ездила в больницу, а доктора давали ей всё меньше и меньше времени. А потом однажды вечером мама усадила меня после ужина, за которым ей было совсем плохо – она без конца кашляла и дышала со свистом, – и рассказала мне правду. Ей не становилось лучше. Если быть точнее, ей становилось всё хуже.

– Это последнее Рождество, которое мы проведем вместе, – сказала она без обиняков, просто как есть. – Тебе скоро исполнится восемнадцать. Привыкай жить сам по себе.

Но дело в том, что я не хочу жить сам по себе. Некоторые хотели бы, я знаю. Они видят в этом независимость. Свободу. И не сказать, чтобы я не хотел когда-нибудь стать самостоятельным. Когда-нибудь, возможно. Просто не в этом году. В смысле, я уже потерял Уоллеса и

Роки, а теперь еще и теряю маму. И мне кажется, что если я не буду осторожен, то следующим, кого я потеряю, буду я сам.

– Эй, Лэндри, – зову я, выкладывая бекон на гриль. – Когда ты добавила в автомат песню о Парнях Кровавой реки?

Лэндри работает с книгами в своем кабинете, но оставила дверь открытой, чтобы следить за тем, что происходит на кухне, а если быть точнее, за мной. Повар сообщил, что заболел, так что я в запарке пытаюсь в одиночку справиться с вечерней сменой на кухне. Закусочная такая маленькая, что я делаю понемногу всего. Уборка, готовка, обслуживание клиентов. Я не возражаю. Это значит, что в день зарплаты у меня в кармане окажется больше денег и я смогу купить больше лекарств для мамы, а вкусы большинства людей здесь довольно просты. Пока я могу разбивать яйца и собирать бургеры, у меня всё в порядке.

– Какую песню? – отвечает Лэндри хриплым лаем, в который превратился ее голос за десятки лет курения сигарет. – Я не поменяла ни одной песни в этом ящике со времен, когда президентом был Рональд Рейган.

– Нет? – Я пожимаю плечами и беру следующий ожидающий чек. – Может, я ее просто никогда раньше не слышал. А значит, с автоматом что-то не так. Навее вчера вечером пыталась включить свою песню, а провода перемкнуло. Заиграла другая.

Лэндри неразборчиво хмыкает. Я готовлю заказ и, закончив,ставляю тарелку в окно, чтобы ее забрала официантка. Жму на звонок, и появляется улыбающаяся Фиона. Забирает блюдо и исчезает.

Поворачиваюсь, чтобы взяться за новый заказ, и едва не врезаюсь в Лэндри, чье лицо оказывается всего в нескольких дюймах от моего. Я вскрикиваю от неожиданности и отскакиваю на полмили назад.

– Боже, Лэндри, не подкрадывайся так ко мне!

Она пронизывает меня взглядом. Я вижу каждую морщинку у нее на лице, выделения на левом глазу.

– Эта песня играла на этом автомате лишь раз – перед тем, как исчез парнишка Финли. Говорят, он сам ее накликал, и она пришла, – Лэндри сужает глаза. – Ты мечтал о том, чтобы услышать эту песню? – спрашивает она суровым тоном. – С парнями, которые поют эту песню, происходят дурные вещи.

– Нет, – отвечаю на автомате. – Я просто рассказал тебе, что случилось. Я... я не хочу, чтобы... – нервно потираю руки. – Я не пел эту песню.

Она смотрит на меня в упор еще несколько секунд.

– Ладно, – и снова скрывается в своем кабинете.

– Зачем оставлять ее в автомате, если не хочешь, чтобы ее кто-то пел, – бормочу я, и если даже она меня слышит, то никак на это не реагирует.

Я снова в смене, закрывающей кафе, и на этот раз Брэндон приезжает ко времени, когда нужно забрать Навею.

– Она в туалете, – говорю я, открывая дверь, чтобы впустить его.

Он отвечает хмыканьем, которое может означать что угодно. Он вел себя нормально прошлым вечером, когда говорил о Парнях, но теперь делает вид, что меня тут нет. Как я и сказал, никто не хочет проводить слишком много времени с лузером. Но меня не отпускают слова Лэндри, так что я задаю вопрос.

– Ты слышал что-нибудь о Финли? – спрашиваю я, стараясь придать своему голосу безразличный тон.

Во рту у него жевательный табак, и он зыркает на меня, перемалывая его челюстью, словно корова, пережевывающая траву.

– Дрю Финли?

Я пожимаю плечами.

– Возможно.

– Все знают про Дрю Финли. Он жил здесь в восьмидесятых годах. Большая бейсбольная звезда. Все думали, что ему суждено играть в высших лигах. Но однажды ночью он, предположительно, вдруг слетел с катушек и убил мать, отца, двух сестер и младшего братишку. Ни его самого, ни его тела так и не нашли. Только его семью, обескровленных. Понимаешь, что это значит?

Я кручу головой.

– Кто-то высосал из них всю кровь, – шепчет он.

– Как это случилось? – произношу я сиплым голосом.

– Кто знает? Но главный вопрос в том, что случилось с Дрю. Может, он сбежал, когда пришли убийцы, и порвал со своим прошлым. А может, его похитили. Никто не знает. – Он театрально распахивает глаза. – А почему ты вообще спросил про него?

– Да нипочему. Кое-кто упомянул его сегодня.

– Ага, ну, что бы там ни произошло, по крайней мере, он наконец выбрался из этого дерьмового города, так ведь? – Он хохочет над собственной грубой шуткой.

Навея выскакивает из туалета.

– Готов? – спрашивает она Брэндона, даже не взглянув в мою сторону. Полагаю, она не простила мне, что я был груб с ней вчера. Брэндон едва заметно кивает мне и выходит из закуской вслед за сестрой.

Когда их машина уезжает, я снова запираю дверь.

В углу поблескивает музыкальный автомат.

Я подхожу к нему и всматриваюсь в список песен. Сердце грохочет у меня в груди, отдаваясь эхом в ушах, словно набатный колокол, но я думал об этом весь день. Мне нужно знать.

Моя догадка такова – не важно, какую кнопку я нажму, результат будет один. Так что я закрываю глаза и вытягиваю руку. Нажимаю на первую попавшуюся кнопку и жду.

Скрипка, ударные и банджо. А потом снова этот голос:

*«Я шагал вдоль реки, мне луна освещала дорогу,
Я догнал паренька, дружелюбен и мил был он очень...»*

На этот раз я слушаю. Всю песню. Когда она заканчивается, включаю ее снова, и на этот раз повторяю слова, чтобы запомнить строки, рифмы и ритм. И на третий раз я уже пою.

Я просто позволяю словам вылетать из горла, щекоча мне язык и огибая губы, и как только я начинаю, они текут потоком, словно сама Кровавая река – неукротимая сила, мощная и древняя. И я вкладываю в нее всё. Все свои чувства, связанные с одиночеством, несправедливостью буллинга со стороны Джейсона и его дружков, приближающейся смертью мамы, страхом, пронизывающим каждую частичку моего тела. Свое рассыпающееся в пыль сердце. И позволяю всему этому выйти.

Когда песня заканчивается, я чувствую себя полностью выжатым. Доковыляв до ближайшей кабинки, падаю в ней. Мечтаю о стакане холодной воды, но я слишком изнурен, чтобы подняться и налить себе.

И я жду.

И... ничего не происходит.

Я жду тридцать минут, потом еще тридцать, но нет ни движений на парковке, ни затухания света, ни холодного ветерка. Здесь только я, страшные истории и мое убожество. Я прижимаюсь щекой к холодному пластику и позволяю слезам течь из глаз. Спустя какое-то время сажусь и вытираю слезы тряпкой для уборки.

Я встаю, чувствуя себя так, словно моим костям не меньше тысячи лет. Дохожу до машины. Еду по пустым улицам домой. Захожу проверить маму.

Я падаю на кровать, чувствуя себя точно так же, как в начале этого ужасного дня.

Он приходит на следующий день. Я снова в «Закусочной Лэндри». Уже поздно, до закрытия остается полчаса, когда я замечаю его. Он сидит в самой дальней от двери кабинке для четырех человек, возле музыкального автомата, где я вчера вечером рыдал, словно малое дитя. На нем черная ковбойская шляпа, которую я замечаю в первую очередь, и темная джинсовая куртка. Ботинки, обычные для этих мест, подняты на противоположное сиденье. Они тоже черные, и кожа отражает свет, из-за чего ботинки сияют.

Поля его шляпы опущены, пряча лицо, так что, подходя к нему, я вижу лишь кусочек бледной кожи и уголок легкой улыбки.

– Кухня закрывается через тридцать минут, – говорю я, останавливаясь перед ним. Сегодня я работаю за официанта, потому что у Навей выходной. Я поднимаю блокнот для записей, приготовив ручку.

– Того, что мне надо, нет в меню, – произносит он, мягко растягивая слова. Приподнимает шляпу, показывая свое лицо, и я в изумлении втягиваю воздух. Если бы вы попросили меня описать его, я бы не смог. Кроме изгиба его губ, узкой полоски носа, резко очерченных скул. Это был эдакий идеал – всё, что я могу сказать.

– Вы снимаетесь для телевидения? – выпаливаю я. Потому что в Кровавой реке никогда еще не бывало парня, подобного ему.

Он смеется, и его смех тоже прекрасен, словно дуновение прохладного ветерка в первый осенний день или раскат грома в жаркую летнюю ночь.

– Неа, – отвечает он. – Не снимаюсь.

Я оглядываюсь через плечо, ожидая увидеть сам не знаю что. Свидетеля или скрытую камеру. Джейсон и близнецы пытаются меня разыграть.

– Ты звал меня, Лукас, – протягивает он. – Разве ты не помнишь? Звал моей песней и своим рассыпающимся в пыль сердцем. – Он раскидывает руки в стороны. – Ты звал всех нас.

Я снова оглядываюсь и вижу еще трех парней, идущих по проходу между столами, все чуть старше меня. На них ковбойская экипировка, шляпы и ботинки, потертый деним, за исключением одного, на котором надета задом наперед бейсболка и джинсы оверсайз.

– Позволь представить моих братьев, – говорит он. – Это Джаспер, а рядом с ним Уиллис. Это Дрю. А я, – говорит он, качнув шляпой, – я Сайлас.

– И вы все... – Я не могу заставить себя спросить. Я боюсь произносить это вслух, они же поднимут меня на смех. Или исчезнут.

– Есть что достойное в этом кабаке? – спрашивает Джаспер, барабанив пальцами по меню. У него низкий голос и какой-то акцент, который мне не удастся распознать. Кожа у него того же оттенка, что и у меня, а из-под шляпы виднеются темные волосы.

– Куда бы мы ни пришли, меню мало чем отличается, – смеется Уиллис. Его кожа на тон темнее, чем у Джаспера, а под шляпой свисают тугие черные кудри. Голос высокий, нервный, а черные глаза бегают по залу.

– Что верно, то верно, брат, – с улыбкой произносит Сайлас. Он хлопает ладонью по столу. – Пойдемте куда-нибудь в другое место. – Он наклоняет голову: – Пойдешь с нами, Лукас? Давай разделим трапезу.

– Я? – спрашиваю я.

Парни смеются – ну, Джаспер и Уиллис. Третий парень, рыжеволосый, не произносит ни слова. Он как будто чем-то встревожен и трясет коленом под столиком.

– М-мне надо закрыть кафе, – заикаясь, произношу я.

– Тогда сделай это, – говорит он. – Мы подождем, чтобы поесть вместе с тобой.

Уиллис снова разражается хохотом, и рыжий качает головой, а я не понимаю, в чем шутка.

Потом они все встают и идут к выходу, вальяжно и грациозно, словно кошки. Я смотрю им вслед, убежденный, что это галлюцинации и я никогда их больше не увижу, после того как они исчезнут за дверью. Колокольчик над выходом звенит, когда они выскальзывают на улицу, один за другим. Последним выходит Сайлас, и он касается пальцами шляпы, глядя на меня, когда переступает порог.

Сердце колотится у меня в груди, и я не уверен, что мне следует делать дальше, но я знаю, что должен пойти с ними. Я знаю, что это рискованно. Я не знаю их, у них могут быть дурные намерения, но что-то говорит мне... нет, что-то внутри меня *знает*, что у них их нет. Что они именно те, кто, я думаю, и пришел, потому что я сам их позвал, и мне суждено пойти с ними, если я хочу снова быть в безопасности.

– Повар, – кричу я, обегая стойку и снимая фартук. – За мной приехали, – ору, надеясь, что он не вспомнит, что я вожу себя сам. – Мне надо идти.

– А как же уборка? – возмущенно спрашивает он.

– Не сегодня, – говорю я, улыбаясь. – Буду должен тебе.

– Ты мне должен уже не меньше пяти, – бормочет он, но я знаю, что он всё сделает. Несмотря на его протесты, я никогда не пристаю к нему с просьбами.

– Спасибо!

На минуту забегаю в туалет, чтобы взглянуть на себя в зеркало, отчаянно мечтая, чтобы мое лицо было каким-нибудь другим, не таким смуглым, не таким худощавым, не таким бугристым от прыщей, но потом вспоминаю слова Сайласа о том, что он пришел на зов моего сердца. Я поворачиваю вентиль, брызгаю водой на лицо и провожу влажной рукой по волосам, пытаюсь их пригладить, а потом выбегаю из закуской...

...и влетаю прямо в Джейсона Винтерса.

– Ух ты, – произносит он с притворным смехом, хватая меня за плечи. – Что за спешка, Лукас?

Я замираю. Я чувствую его руки, слишком горячие, давление его пальцев. Я окидываю парковку лихорадочным взглядом. Где Сайлас и остальные? Куда они пошли?

– Ты не видел... – начинаю я вопрос, а потом вспоминаю, с кем говорю, и захлопываю рот.

Джейсон оглядывается через плечо, и теперь я вижу, что он не один. Близнецы Тод выбирают с заднего сиденья его синего пикапа «Шевроле», смеясь и направляясь к нам. У меня в горле встает комок. Нет, нет, нет. Только не сейчас.

– Слушайте, – говорю я – воспоминание о том, что где-то там меня ждет Сайлас, придает мне храбрости. – Вы можете набить мне морду в следующий раз. А сейчас мне нужно идти.

Джейсон указывает на закусочную за моим плечом.

– Там написано «Закусочная Лэндри» будет открыта еще двадцать минут. Мы с парнями хотим просто по-быстрому перекусить. Ты, конечно же, можешь нам с этим помочь. В смысле, это ведь твоя работа?

Подошедшие к нам близнецы, Тайлер и Трей, оба ржут, издавая тот самый гогот, которым они всегда смеются при Джейсоне. Словно иметь работу – это какая-то шутка.

– Повар всё еще там. Он вам поможет.

Он сжимает мои плечи еще крепче.

– Я хочу, чтобы *ты* нам помог.

То, как он это произносит, действует на меня даже сильнее, чем его пальцы, вцепившиеся в мое тело. Он смотрит на меня своими светло-голубыми, как летнее небо, глазами и улыбается.

– Я...

– О боже, – восклицает один из двух близнецов, Тайлер или Трей. – Да он собирается тебя поцеловать.

Я не собирался. Конечно же, нет, но мое лицо всё равно вспыхивает. Я открываю рот, чтобы возразить, но не успеваю этого сделать.

Мне в живот прилетает кулак – да так быстро, что я не успеваю даже осознать, что он меня ударил, как тут же сгибаюсь пополам, хватая ртом воздух. Спустя мгновение прилетает второй удар – кулаком мне в скулу, чуть ниже еще не зажившего синяка под глазом, и у меня начинает звенеть в ушах. Я с грохотом падаю на гравий, и крошечные серые камешки впиваются мне в щеку.

Снова раздается хохот, и я обхватываю себя в ожидании удара ногой.

– У вас тут какие-то проблемы?

Я настолько охвачен собственным унижением, что не сразу узнаю этот голос. Перекаत्याю голову набок и поднимаю взгляд. Это Сайлас, в черных ботинках, куртке и шляпе, с той же легкой улыбкой.

Джейсон ухмыляется.

– Не твое дело, ковбой, – говорит он.

– Еще как мое. Лукас мой друг.

Все три старшекласника громко смеются.

– Лузер Лукас? Ну, я знаю, что ты лжешь, потому что нет у него никаких друзей.

И он тут же пинает меня в живот. Этот удар не настолько болезненный, как мог бы быть, как бывало раньше, но его достаточно, чтобы заставить меня втянуть воздух.

– Я вроде как попросил тебя прекратить, – говорит Сайлас низким и тихим голосом.

– Или что? – взвинчивается Джейсон, расправляя свои плечи – плечи настоящего футболиста, что почти в два раза шире, чем у Сайласа с его худощавым телосложением.

– Или я тебя убью.

Я моргаю, думая, что мне это послышалось. Но Сайлас здесь, холодный, как вечерний воздух, и невозмутимый, словно он не угрожает, а просто сообщает факты.

У Джейсона и близнецов Тод падают челюсти, поначалу от шока, мне кажется, но потом они словно собираются рассмеяться. Из ночного мрака выныривают силуэты остальных Парней Кровавой реки. Джаспера, молча улыбающегося, с руками в карманах. Уиллиса с горящими глазами, повторяющего «Вас убьем, вас убьем» с придыханием и пронзительным хихиканьем. И Дрю, который тащится далеко позади, повернув кепку козырьком вперед, так что большая часть его лица скрыта в тени.

Джейсон не дурак. Ну, по крайней мере, не настолько дурак. Он быстро прикидывает, обнаруживает, что тут четверо – пятеро, если считать меня, но я уверен, что он не считает, – против него и близнецов. Он поднимает руки.

– Ладно. Отлично. Нам не нужны проблемы. Мы просто приехали поесть.

– С этого дня ешьте где-нибудь в другом месте, – произносит Джаспер низким скрежещущим голосом.

– Эта закусочная закрыта... для вас, – вторит ему Сайлас. – Навсегда.

Джейсон опускает взгляд на меня, а я, должно быть, улыбаюсь, потому что его лицо темнеет, выражая ярость.

– Позже, лузер, – бормочет он, – когда твоих дружков-клоунов с rodeo не будет рядом. – После этого они с близнецами поспешно уносят ноги.

Я смеюсь, и мне плевать, что это заставляет его удаляющиеся плечи напрячься и что я определенно нарываюсь на еще более жестокое избиение, когда рядом не будет Сайласа, чтобы спасти меня. Это стоит того, чтобы увидеть, как Джейсон получает малую часть того унижения, которому он подвергает меня на постоянной основе.

Рука опускается, чтобы помочь мне подняться, и я ее принимаю. Ладонь Сайласа холодная и сухая – почти обжигающе ледяная. Кожа у него скользкая, как стекло, а плоть под ней твердая. Он поднимает меня на ноги, словно я вешу даже меньше, чем на самом деле.

– Ты в порядке? – спрашивает он, помогая мне отряхнуться. Я нервничаю из-за его рук на моем теле, но он ведет себя так, как будто ничего не замечает. Он кажется обеспокоенным, словно его на самом деле заботит то, что со мной случилось.

– Спасибо, – говорю я. – Ты меня спас. – Он и вправду меня спас, и больше, чем в одном смысле.

Он прикасается холодной ладонью к моей щеке, и наши взгляды впервые встречаются. Его глаза – водоворот цвета, они просто невозможные, как глубокие омуты, как детский калейдоскоп. У меня сбивается дыхание, ноги подкашиваются. Между нами что-то промелькивает, наэлектризованное, напряженное. Я покачиваюсь, он поддерживает меня.

– Всё что угодно ради брата, – протягивает он, всё еще касаясь моего лица.

– Надо было убить их, – говорит Уиллис.

– Не сейчас, – тихо отзывается Сайлас через плечо.

– Он прав, – рычит Джаспер. – Сейчас нам надо поохотиться. Мне просто *необходимо* поохотиться. Прямо сейчас.

Я нахмуриваюсь:

– Что это значит?

– Ничего. – Сайлас улыбается мне, и я чувствую трепет в груди, словно мое сердце жаждет ответить ему такой же улыбкой. – Нам пора. – Он опускает руку и отступает назад. – Еще увидимся, Лукас. Поезжай домой. Позаботься о маме. Ты нужен ей.

– Откуда ты знаешь про мою маму?

– Ты сказал мне.

– Я не...

– До скорого.

И они уходят в ночь, исчезая в темноте, словно их тут никогда и не было. Мое лицо горит в месте удара, в животе ощущается тупая боль, но никогда в жизни я еще не был так счастлив. Уверен, я мог бы воспарить и долететь до дома. Но вместо этого я сажусь в машину и еду домой, всю дорогу напевая эту песню.

Свернув на подъездную дорожку, замечаю фигуру на крыльце. У меня учащается пульс при мысли, что это может быть Сайлас, хотя я только что расстался с ним у закусочной, но это

женщина. Средних лет, с уставшим видом, на плечах туго повязан кардиган, чтобы защититься от студеного осеннего ветра. Ее лицо кажется мне знакомым, но я не могу понять почему.

– Ты Лукас? – спрашивает она, как только я подхожу достаточно близко, чтобы услышать ее.

– Да. А вы кто? И что вы делаете у меня дома в полночь?

– Делия Дэй, прости, что я тут в такое время, – говорит она. – Я адвокат по защите прав пациентов и социальный работник из Городской больницы Беннета.

Так вот откуда я ее знаю. И может быть только одна причина, почему она здесь в этот ночной час.

– Моя мама? – спрашиваю я с комом в горле. – Моя мама в порядке?

– Боюсь, что нет, Лукас. Тебе лучше зайти в дом. – Ее голос добрый. Слишком добрый. Профессионалы говорят таким голосом, когда собираются сообщить дурные вести.

Я замираю, не в силах к ней приблизиться.

– Она в больнице? – спрашиваю я. Меня трясет. Когда меня начало трясти? – Можно мне ее увидеть?

Делия потирает руки.

– Почему бы тебе не зайти в дом? Мы можем поговорить об этом там.

И я понимаю. Именно тогда я понимаю, что именно она собирается сказать. И я не хочу это слышать, потому что, когда я услышу, это станет правдой.

Я шагаю обратно к машине. Делия окликает меня. Я отъезжаю от дома, возвращаясь обратно на дорогу. Не знаю, что я делаю, от чего убегаю, к чему убегаю. Я знаю только, что бегу.

Похороны проходят быстро. Мама была удочерена, и у нее не было ни братьев, ни сестер. Повзрослев, она потеряла связь с приемной семьей, а мой отец в нашей жизни никогда не присутствовал, так что мы всегда были только вдвоем.

А теперь остался я один.

На похороны никто не приходит, кроме Делии из больницы и окружного инспектора, отдающего мне конверт, который я не хочу открывать, а также нескольких человек из церкви, которых я даже не знаю, но их присутствие кажется вполне уместным. Лэндри присылает соболезнования, но она в закусочной, занята работой.

Когда все уходят и остаюсь только я наедине со свежей могилой в вечерних сумерках, появляется он. На нем всё те же ботинки, всё тот же деним, всё та же шляпа, которую он держит в художественных руках. Бриз игриво взъерошивает его черные волосы. Тот же бриз, от которого у меня на голове воронье гнездо.

– А где остальные? – спрашиваю я, стоит ему только приблизиться ко мне.

Он встает рядом со мной, глядя на могилу моей мамы.

– Я подумал, что будет правильнее, если здесь будем только мы с тобой.

Я оглядываюсь. Смотрю на его изящный нос, пухлые губы. У меня сбивается дыхание, и он улыбается.

– Парни иногда перебарщивают, – признается он. – Прости, если они напугали тебя.

– Они спасли меня, – торопливо отвечаю я. – Вы спасли меня.

– Джейсон Винтерс тебя больше не беспокоит. – Он произносит это с такой уверенностью, что я почти ему верю. Но Джейсон издевался надо мной с четвертого класса. И он не прекратит всё это только потому, что ему так сказала пара ковбоев.

– Он просто дождется, пока вы уедете, – тихо говорю я с ощущением, что разочарую его этими словами.

Он смотрит на меня, прищутив глаза.

– Ты и вправду особенный, Лукас. – Его голос меланхоличен, даже слегка взволнован, но я не думаю, что он имел в виду что-то оскорбительное.

Мы стоим в тишине, пока я не говорю:

– Я теперь один.

– Необязательно.

Это именно то, что я мечтал услышать от него, но не смел даже надеяться. Мне хочется крикнуть ему, чтобы он увез меня прочь из этого города, от этой закуской, этих гопников и моего пустого дома. Но вместо этого я спрашиваю:

– Что мне нужно сделать?

– Разделить трапезу.

– Что это значит?

Он опускает взгляд, хлопая себя шляпой по бедру.

– А что это может значить, по твоему мнению, Лукас?

Я закрываю глаза.

– Как? Как мне?..

Он быстро касается моего плеча.

– Мы позаботимся об этом. Просто будь сегодня в закусочной до закрытия. Приходи, если захочешь присоединиться к нам. Если не захочешь, мы не причиним вреда и уйдем своей дорогой.

– Уйдете? – спрашиваю я ошарашенно, у меня пересыхает во рту. – Вот так просто?

– Только если ты захочешь. Ты призвал нас, помнишь? А мы остаемся только там, где кому-то нужны.

Меня накрывает волна облегчения, вероломного и непрошеного. Не могу представить, чтобы Сайлас ушел. Что я буду делать? Куда я пойду? Что-то в нем дает мне ощущение безопасности, ощущение нужности. Ощущение, что я не одинок.

Ветер обдувает надгробия, разбрасывая листья. Он надевает шляпу.

– Закусочная, – повторяет он. – Закрытие.

А после уходит.

Я въезжаю на парковку «Закусочной Лэндри» за четверть часа до полуночи. Свет уже приглушен, кафе выглядит закрытым, но внутри двигаются люди, так что я знаю, что там кто-то есть. Я замечаю фигуру, притаившуюся у двери, и предполагаю, что это Сайлас, но, подойдя ближе, обнаруживаю, что это Дрю. У него в руках бейсбольная бита, и он лениво покачивает ею в ожидании. Я вспоминаю, как Брэндон говорил, что Финли был крутым игроком в бейсбол, и всё встает на свои места.

Дрю смотрит на меня долгим, тяжелым взглядом. Его бледная кожа кажется холодной в свете фонаря, темно-рыжие волосы зачесаны назад. В последний раз, когда я его видел, на нем была бейсбольная кепка, но сегодня он с непокрытой головой. Мне становится неуютно от его пристального взгляда.

– Почему? – вдруг спрашивает он, и это первый раз, когда я слышу, как он говорит.

Яжимаю плечами, полностью уверенный, что понимаю, о чем он спрашивает.

– Как и все остальные, полагаю.

– У нас у всех разные причины. Джаспер сделал это из мести, я – потому что мы не стали чемпионами штата, и я решил, что хочу умереть, – он усмехается себе под нос, словно не в силах поверить, что был таким глупцом. – Уиллис слетел с катушек, когда убили его жену, а Сайлас...

– Почему тебе пришлось убить свою семью? – быстро спрашиваю я, прерывая его. Не уверен, что хочу знать, почему Сайлас это сделал. Что, если у него были на то ужасные причины? Причины более страшные, чем мечтать о семье и не хотеть оставаться одному.

Он моргает.

– Ты думаешь, я убил свою семью? Ради этого? – спрашивает он изумленно. Потом заходится пустым хриплым смехом. – «Пять мешков с кровью, один для каждого из вас и два для меня», – сказал мне Сайлас.

У меня по позвоночнику пробегает дрожь.

– Сайлас не сказал бы такого.

– Да что ты знаешь о Сайласе? – фыркает он. – Он так носится с тобой, не знаю почему, что делает тебя таким особенным, – он шумно сглатывает, глядя перед собой и погружаясь в воспоминания. – Со мной он так не носился.

Я хмурюсь:

– В смысле?

Прежде чем он успевает ответить, к двери подходит Сайлас.

– Ты приехал, – он широко улыбается, словно я успел на его вечеринку как раз вовремя, – Заходи, – он тянет меня внутрь, вынуждая Дрю последовать за нами. Я слышу, как он запирает за мной дверь. Встревоженно оглядываюсь.

– Это чтобы нам не помешали, – говорит Сайлас, кладя руку мне на плечи. – Кажется, ты уже всех знаешь, – говорит он, обводя жестом закусочную. Дрю с битой, Уиллис и Джаспер сидят на стульях, облокотившись на стойку.

– Слушай, – говорю я ему, произнося твердым голосом слова, которые я тренировал в машине по дороге сюда. – Я знаю, что всё это значит. Кто вы такие, – поразмыслив над тем, что несколько мгновений назад сказал Дрю, я добавляю: – Не надо быть ко мне снисходительным.

Сайлас молчит, наклоняя голову набок, словно прислушиваясь.

Я торопливо продолжаю:

– Я всё понял. Ты сказал, что Джейсон больше меня не побеспокоит, и еще до этого ты говорил, что убьешь его, если он еще хоть пальцем до меня дотронется. И я слышал те истории о резне. И о семье Дрю. – Я бросаю на него быстрый взгляд. Его лицо словно вырезано из камня, не выражает абсолютно ничего, и на секунду я начинаю сомневаться, может, я что-то неправильно понял, что меня могут принять за душевнобольного, но я всё равно выпаливаю: – И я хочу, чтобы вы знали, что я согласен. Согласен... разделить трапезу.

Сайлас ждет, чтобы быть уверенным, что я договорил, а потом расплывается в улыбке.

– Я знал, что ты приедешь, Лукас. Нет ничего страшного в том, чтобы быть снисходительным к тому, кто пережил немало бед. Для некоторых людей нужно облегчать переход к кормлению.

Кормление. Я поеживаюсь, сам того не желая. То, как он это произносит, каким-то образом делает всё более реальным. Но я говорю себе, что Джейсон это заслужил. Он был жесток со мной всю мою жизнь и наверняка убил бы меня, если бы подвернулся такой шанс, так что, возможно, я просто его опередил. И если это значит, что я останусь с Сайласом, с Парнями...

Уиллис и Джаспер встают, и передо мной открывается тело, лежащее на стойке.

Я ожидаю увидеть широкие плечи футболиста. Противные каштановые волосы. Напуганные голубые глаза.

Но вместо этого я вижу темные корни, мерцание стразов, широко распахнутые светлоскопые глаза.

– Навея?

Я охаю и отшатываюсь назад, когда она издает стон, с мольбой глядя на меня. Уиллис проводит рукой по ее волосам, словно глядя собаку.

– Тссс, – произносит Сайлас, возвращая меня на место, его хватка больше похожа на тиски. – Ты вроде сказал, что готов.

– Не трогайте ее, – говорю я, оборачиваясь к нему. Я хватаю его за рубашку, упрашивая: – Я... я думал, ты имел в виду Джейсона. Или близнецов Тод. Только не...

Слова застревают у меня в горле.

Только не единственный человек в городе, кто был по-настоящему добр ко мне, только не Навея с ее муниципальным колледжем, трейлером и голубыми ногтями. Которая позволила мне довезти ее до дома. Которая пыталась помочь.

– Мы ее не тронем, Лукас. – Его голос тихий. Уверенный. И на мгновение у меня появляется надежда. – Это сделаешь ты.

У меня внутри всё падает. В ужасе мотаю головой.

– Если хочешь присоединиться к нам, придется разделить трапезу.

– Я знаю! Я здесь, разве нет? В закускойной.

– Это не та еда, которую мы едим, брат, – говорит Джаспер. Я оглядываюсь – он ковыряется в зубах, в своих клыках, длинным ногтем.

– Ты что, не догоняешь? – грубо вклинивается Дрю. – Или ты пьешь ее кровь и становишься одним из нас, или становишься донором крови вместе с ней. Она уже точно покойница, а ты в одном шаге от того, чтобы к ней присоединиться, если примешь неправильное решение. От нас тебе не скрыться.

– Дрю говорит правду, – произносит Джаспер глубоким голосом, похожим на ритм барабана в той песне. Песне, с которой всё это началось, когда я хотел лишь того, чтобы кто-то спас меня и я не остался один.

Я качаю головой:

– Нет, я не могу. Она мой друг. Кого-нибудь другого.

– Ты бы предпочел, чтобы ради тебя умер незнакомец? – спрашивает Сайлас. – Пусть лучше это будет друг. Разорви свои последние связи. И тогда ты по-настоящему сможешь стать одним из нас.

– Я не... Я не хочу этого. – Но это ложь. Я хочу. Хочу так сильно, что меня трясет. Но Навея смотрит на меня, и она плачет, слезы катятся по ее носу, собираясь в лужу на стойке.

– Ты попросил нас прийти, – напоминает мне Сайлас, его теплая рука на моей спине, мягкое дыхание возле уха. Я чувствую его губы у себя на шее, их легчайшее касание, но от этого мое тело обдаёт таким жаром, что я едва не падаю на колени.

– Да он влюбился в тебя, Сайлас, – произносит Уиллис с понимающим смешком.

– Ну, что скажешь, Лукас? – спрашивает Сайлас. – Мы могли бы попить, а потом мы с тобой уединились бы где-нибудь. – Его рука обхватывает меня за талию. – Тебе никогда больше не придется быть одному.

Это всё, чего я хочу. Потому что я не могу вернуться в тот дом, к благостным церковным блюдам, пустым комнатам, расставленным бутылкам с лекарствами и всему, что на следующей неделе придет требовать окружной инспектор.

– Я не хочу быть один, – шепчу.

– И не будешь, – отвечает Сайлас.

А потом включается музыкальный автомат, играет скрипка, и мужчина поет:

«Но под маскою ангела прятался демон жестокий...»

– Возьми то, что принадлежит тебе, Лукас, – говорит он. – И стань одним из нас.

Я делаю шаг вперед.

– Нет! – Между нами вдруг оказывается Дрю. Он замахивается своей бейсбольной битой на Сайласа – так быстро, что я едва успеваю проследить за его движением. Обрушившись на висок Сайласа, бита с треском разлетается на щепки. Сайлас падает.

– Беги! – кричит Дрю, и я делаю два поспешных шага к двери, пока мой мозг пытается понять, что происходит.

Джаспер бросается на Дрю, но рыжий уже готов – он выставляет вперед обломок бейсбольной биты, попадая прямо в грудь Джаспера. Джаспер рассыпается в пепел без единого звука.

– Беги, идиот! – снова кричит Дрю, в то время как Уиллис запрыгивает ему на спину и впивается страшными клыками в шею. Дрю вопит, кровь из его горла льется рекой, красной, как его волосы.

Навея вскакивает на ноги. Что бы ни держало ее обездвиженной на стойке, страх или какое-то заклинание, это «что-то» словно разрушилось, когда Джаспер превратился в пыль. Она хватается за руку и тащит к двери. Я, спотыкаясь, следую за ней, не в силах оторвать взгляда от Уиллиса, раздирающего горло Дрю. Дрю падает, его глаза закатываются, голова отваливается, словно у сломанной куклы.

Я кричу. Уиллис поворачивается ко мне – его лицо больше не похоже на лицо прекрасного сумасшедшего парня, это лицо монстра. Он делает шаг к нам, пока Навея отпирает дверь, мы перескакиваем через порог и выбегаем на парковку. Прежде чем он успевает последовать за нами, его останавливает чья-то рука.

Это Сайлас. Он потерял шляпу, его волосы слиплись от крови, но лицо его цело. Какой бы вред ни причинила бита, всё уже зажило. Он смотрит на меня, в глазах у него всё тот же водоворот масляной радуги, который я уже видел прежде.

Он что-то говорит Уиллису, тот закидывает голову назад и рычит – от этого звука трясется вся закусочная и дрожат стекла автомобиля у меня за спиной. Но он не идет за нами. Как и Сайлас. Он только наблюдает.

Я задеваю бампер своей машины. Моргаю. Не помню, как пересек парковку. Навея всхлипывает и кричит, чтобы я дал ей ключи. Я слышу песню, играющую на музыкальном автомате, дребезжащее завывание скрипки, просачивающееся сквозь дверь закусочной.

И я понимаю, что не хочу уезжать. Уехать – значит покинуть Сайласа. Если я сейчас уеду, знаю, что никогда его больше не увижу.

– Навея, – шепчу я, но она не слышит меня из-за собственного плача. Я повторяю громче: – Навея!

– Что?! – кричит она в ответ, задыхающаяся и напуганная.

– Я остаюсь, – поворачиваюсь, позволяя ей увидеть меня. Мое признание. Мое желание.

– Я остаюсь, – повторяю. – Но ты можешь ехать.

Я бросаю ей свои ключи. Она тянется за ними, но не успевает поймать, и они со звоном падают на землю. Рыдая, она лихорадочно ищет их у себя под ногами и, найдя, дергает дверь машины и садится на водительское сиденье. Я слышу, как она блокирует двери, потом запускает двигатель, и машина срывается с места, вылетая с парковки, – я едва успеваю отскочить в сторону.

Как только она уезжает, я переосмысливаю происходящее.

Но я здесь, а Сайлас там, по другую сторону стекла.

И я знаю, что должен сделать.

Он ждет, когда я подойду к нему.

Дрожащими руками открываю дверь. Тело Дрю всё так же лежит на полу у моих ног, а Уиллис воет, словно зверь, не сводя с меня взгляда. Но я твердым шагом подхожу к Сайласу, помня о том, что он мне сказал.

– Я хочу, чтобы вы ушли, – произношу почти шепотом. Даже для моих собственных ушей это звучит слишком жалко, так что я откашливаюсь и делаю вторую попытку. – Хочу, чтобы ты и твои парни ушли.

Сайлас наклоняет голову. Музыкальный автомат проигрывает следующий куплет. У меня разрывается сердце.

– Ты хочешь сказать, что нам здесь больше не рады?

Я киваю, хотя мне больно от этого.

– Хорошо.

Он наклоняется, чтобы поднять шляпу. Медленно надевает ее на голову.

– Всё, что тебе нужно было сделать, сказать мне это, Лукас. – Он делает жест Уиллису, который нагибается и с нечеловеческой силой взволакивает тело Дрю себе на плечи. Сайлас открывает и придерживает дверь, пропуская Уиллиса. Сайлас поворачивается, чтобы пойти за ним, но оглядывается напоследок.

– Но ты должен мне за Джаспера, – произносит он, и его голос так холоден, как никогда прежде. – И однажды я приду забрать свой долг.

Я смотрю, как они уходят. Пока они не исчезают в темноте, пока ко мне не приходит уверенность, что на парковке абсолютно никого нет, даже енотов. А потом я падаю.

Следующим утром Лэндри находит меня на полу и читает мне лекцию о вреде алкоголя и злоупотребления им. Но мы оба знаем, что я не пью, так что она готовит мне стопку оладушек и наливает большую кружку кофе. К полудню приезжают рабочие, чтобы вывезти старый музыкальный автомат, и с этого момента мы ни разу не заговариваем о нем. Навея больше не появляется в закусочной, и несколько недель спустя Лэндри сообщает мне, что Навея переехала, поступив в какой-то четырехгодичный колледж. Тела Джейсона и близнецов Тод выносит на берег реки через месяц, они обескровлены. Какое-то время ходят слухи о каких-то странных наркотиках, которые как будто появились на рынке, и эта история даже становится главной темой одного прайм-таймового детективного шоу: связь со смертями семьи Финли выглядит слишком странной, чтобы ее игнорировать. Конспирологические подкасты слетают с катушек. Они называют происшествие «Убийством в Кровавой реке», и на какое-то время это становится сенсацией, но люди не имеют ни малейшего понятия, что случилось. На самом деле.

Я порой напеваю мелодию, особенно когда повторяю материал к выпускным экзаменам или готовлю дом к продаже, но никогда не вкладываю в нее душу. Я решил наконец уехать из этого дерьмового города. Поеду в Даллас, или Денвер, или еще куда-нибудь. Попробую пробиться в жизни сам, посмотрю, что из этого получится.

Я задаюсь вопросом, придет ли Сайлас однажды забрать долг за смерть Джаспера, как он сказал. Я знаю – чтобы выяснить это, мне нужно всего лишь спеть для него песню и вложиться в нее. Но я не буду этого делать. Не сейчас. Я пока не готов. И пока я жду, я буду мечтать о прекрасном черноволосом парне в ковбойской шляпе с цветным водоворотом в глазах.

Укусы и кровь, или Почему вампиры сосут?

*Зорайда Кордова
и Натали С. Паркер*

Давайте признаем: вампиры – комары сверхъестественного мира. Они прячутся в темных местах, передвигаются совершенно незаметно и, когда вы меньше всего этого ожидаете, кусают вас. Кровососущие мифические существа появляются в сказаниях всего мира, от древней вавилонской богини Ламашту, поглощавшей кровь и плоть детей, до индийских сказок об оборотнях-ракшасах и веталях – наполовину людях, наполовину летучих мышах. Так почему же вампиры пьют кровь? Всё просто: кровь – это жизнь. Она необходима живым... и мертвым. Есть причина, по которой «договор, подписанный кровью», называется именно так. Как в земном мире, так и в магическом, кровь – это всё. В рассказе Ребекки Лукас должен принять участие в кровавом ритуале, чтобы стать одним из Парней Кровавой реки. Он должен сделать выбор и принести жестокую жертву. Чтобы стать вампиром, Лукас должен отнять то, что ему не принадлежит.

А что вы могли бы принести в жертву, чтобы жить вечно?

Выпускной класс – отстой

Джули Мёрфи

Суитуотер, штат Техас, наиболее известен своими энергосберегающими ветряными турбинами, стоящими вдоль автомагистрали I-20 между Форт-Уэртом и Одессой. А также Фестивалем гремучих змей – это событие посвящено измерению, взвешиванию, доению, обезглавливанию и свежеванию змей. У нас даже есть конкурс на звание Мисс Заклинательница змей, где каждая участница должна, помимо прохождения привычных для конкурсов красоты испытаний, обезглавить змею. Тетя Джемма считает, что этот фестиваль неоправданно жесток, а мама говорит, что жестокость – единственный способ выжить в таком месте, как Суитуотер. В нашем маленьком городке не всё так просто, как кажется на первый взгляд.

Кроме гремучих змей, на самом деле мы *должны* были бы быть известны тем, чего вы никогда о нас не узнаете, и на то есть одна простая причина: женщины моей семьи просто чертовски хороши в том, чем занимаются. Мы, по сути, как те люди, что спасают мир, когда мир даже не знает о том, что его надо спасать. Ядерная война. Политические убийства. Враждебные пришельцы из космоса. Кто-то, работающий где-то над усилением защиты, чтобы спасти мир, пока остальные живут в блаженном неведении, уткнувшись в свои электронные гаджеты.

Дело, в котором так хороша моя семья, – убийство тех, о чьем существовании великие люди Суитуотера даже не знают. Бессмертных. Кровососов. Детей ночи. Вампиров.

Каждый год во время фестиваля мы видим кучу протестующих, кричащих об издевательствах над животными и вымирании гремучих змей. И это довольно неприятная ситуация, если задуматься. Гремучие змеи – маленькие твари, конечно же, но они ведь не выползают на наши улицы ночью, охотясь на людей, как некоторые вампиры, которых я встречала. Как насчет вымирания вампиров? Ну, это как название маминой любимой песни: «Сладкие мечты»⁴. Один вампир за раз.

Меня зовут Джолин Крэндалл, и я самая молодая из охотников на вампиров в Суитуотере, штат Техас. Когда мне было тринадцать лет, я поклялась своей жизнью защищать этот неприветливый городок. Пока вампиры чудесным образом не вымрут. Я могла бы посвятить этому вопросу всю оставшуюся жизнь, но в моей клятве не было ни слова о том, что я не могу стать участницей команды по чирлидингу. Берегись, Баффи.

– Готовы? Смелей! – кричу я в мегафон. – Хэй! Хэй! Мустанги! В бой! В бой! В бой! Повторяйте за мной!

Пусть это и банально, но я мало что люблю больше, чем выступать, выкладываясь на двести процентов, в поддержку команды морозной ноябрьской ночью под звездным тexasским небом в каком-нибудь городе, где в эту ночь, в этот момент происходит самое важное событие за всю неделю. Короткие разлетающиеся юбки, хруст листьев у нас под ногами, безостановочное движение, чтобы отогнать холод. Эта исступленная энергия, которой мне бы хотелось наполнить бутылку в качестве напоминания на все те дни, когда единственное мое желание – сбежать из этого места и от этой жизни. Мама всегда говорит: чтобы по-настоящему что-то любить, надо это самую толику ненавидеть.

Позади меня команда выполняет построение, я оставляю мегафон рядом с помпонами и отступаю назад, чтобы занять свое место в основании пирамиды.

– Хэй! Хэй! – снова кричу я, толпа вторит мне, оркестр отбивает ритм.

Я делаю выпад вперед, и Кэрили, миниатюрная белая девушка, встает на мои толстые рыбые бедра. Один за другим чирлидеры поднимают ее всё выше и выше.

⁴ «Sweet Dreams (Are Made of This)» – песня британского поп-дуэта Eurythmics.

Я та, кого некоторые люди называли бы мясистой или жирной. Мое тело не подтянутое и стройное, какого большинство людей ожидают от охотников-убийц. Я пышнотелая белая девушка с округлыми бедрами и почти полным отсутствием груди. Моя задница досталась мне от папы, а он свою унаследовал от мамы. Я этакая рама, из которой получается отличная база для пирамиды, и мой удар ногой с разворота – серьезное оружие. Как оказалось, охотникам на вампиров необязательно быть толстыми, худыми или какими-то еще, когда они способны отвесить солидного пинка.

Моя команда снова и снова повторяет кричалку, пока Кэрили не делает той-тач⁵ и не приземляется на колыбель из рук.

– Мустанги, впереееееед! – кричим мы.

– Кажется, исход игры уже предрешен, – объявляет диктор через громкоговорители. – Очередная победа «Бульдогов» у себя дома.

Вся толпа на трибунах для болельщиков гостевой команды перед нами начинает стонать.

Пич, стоящая рядом со мной, громко выдыхает.

– Ну что в этом *такого* сложного? – кричит она на футбольную команду. – Что? Мы здесь выполняем смертельно опасные в прямом смысле трюки в воздухе, а ваша единственная задача – гонять мяч по полю. И всё!

Пич моя лучшая подруга – низкорослая корейка с выкрашенными в блонд волосами и острым, как бритва, языком. В прошлом году она заявила на фестиваль в костюме окровавленной змеи и кричала о жестоком обращении с животными всем, кто мог ее услышать, пока шериф не выдворил ее с территории. Она единственная, кто в курсе, что моя семья отличается от других. Правда, она не знает, в чем именно. Я обвиваю рукой ее плечо.

– Ну, зато мы всё еще самые совершенные существа в кампусе.

Она смеется.

– Ага. Безоговорочно!

Лэндри скрещивает руки на груди над эмблемой «Мустангов», нанесенной на его красно-белую форму чирлидера.

– Ага. Мне нравится мысль, что футбольная команда Суитуотера работает у нас на разогреве. Все знают, что эти помпоны – настоящие любимцы публики. – Он шлепает себя по обеим ягодицам, чтобы ни у кого не осталось вопросов, про какие именно помпоны он говорит.

Уэйд Томас, белый парень с накачанной грудью, оборачивается на нас со скамейки футбольной команды.

– Вы ведь знаете, что мы вас слышим, да? – говорит он.

– И это хорошо, – говорит Пич. – Всё, что вам всем нужно, чуть больше настоящих разговоров и чуть меньше людей, радостно дующих вам в попу.

Уэйд играет бицепсами и подмигивает.

– И этими губами ты целуешь свою маму, Пич?

– Всех, кроме тебя, – пропевает она.

На табло горит счет: «Гости: 11 Хозяева: 48». Только одно может наводить тоску еще сильнее – наблюдать, как тетя Джемма пытается приготовить ужин из всех остатков, что накопились из того, что мы заказывали на протяжении недели.

– Вы были близко, парни! – кричит кто-то из толпы.

Я закатываю глаза. Близко? Почему все так беспокоится о том, чтобы наградить парней типа Уэйда за то, что они делают самый минимум? Хотите знать, кто и вправду был близко? Скитающаяся вампирша, ужином которой на прошлой неделе едва не стал этот самый Уэйд во время одиночной смены на заправочной станции его отца. Большой, сильный Уэйд, проси-

⁵ Притворный прыжок с максимальным разведением рук и ног в стороны.

девший на скамье последние две недели, но чье эго по-прежнему размером с трактор. Ну, он и понятия не имел, как близок был к тому, чтобы стать очередным мешком с кровью.

Однако то, что я спасла Уэйда, несколько не улучшило ситуацию, потому что я не убила эту странницу, а три дня спустя тетя Джемма обнаружила в пруду на окраине города троих водителей грузовиков с разодранными горлами.

– Так, вы все, загружаемся! – кричу я остальным членам своей команды.

– Принято, Кэп, – отвечает Лэндри, и несколько девчонок из команды-соперника свистят ему. Лэндри горячий. Горячий не только для захолустья где-то в Техасе, а по-настоящему горячий. Это бисексуальный красавчик шести футов ростом с очень смуглой кожей и тугими и гладкими афрокосичками. От него не может отвести глаз весь мир, но он в последнее время не сводит глаз только с Пич – еще бы она это заметила.

Мы все собираем наши знаки, помпоны, спортивные сумки. Уже в автобусе я натягиваю под юбку треники и надеваю толстовку.

– Эй, Кэрили, – кричу я в темном автобусе. – Отличный той-тач!

– Да! – вторят мне еще несколько людей.

– Спасибо вам всем, – отвечает высокий голосок девятиклассницы с задней части автобуса.

Мисс Гарза устраивается в первом ряду со своей лампой для чтения и книгой, пока наш автобус грохочет по дороге.

Я сижу одна, а Пич и Лэндри – через проход от меня, оба пялятся в телефон Пич, на котором включено видео ее любимого быوتي-блогера с подробностями ее весьма неприятного и весьма публичного расставания.

Я никогда не узнаю, каково это – не подозревать о существовании вампиров и о необходимости их бояться, но в такие моменты, как этот, я ближе всего к блаженному неведению. В этом автобусе я не отвечаю за жизни всех людей в радиусе десяти миль. В этом автобусе мы летим по дороге быстрее любого вампира. Я обожаю безопасность этого автобуса, когда мы едем домой поздно вечером после очередной выездной игры, и я могу ослабить бдительность.

Даже если бы я захотела уклониться от своих обязанностей в Суитуотере, моя анатомия мне бы этого не позволила. Вампиры запускают во мне какую-то реакцию. Мой внутренний свист, каким подзывают собак. Это как когда ты знаешь, что забыл что-то, но не знаешь, что именно, или как то чувство, когда ты просыпаешься среди ночи, понимая, что не написал работу, которую тебе завтра сдавать. Вся эта энергия накапливается внутри меня, и я не могу найти покой, пока не выпущу ее. Внезапно каждый обескураживающий час тренировок с мамой и тетей Джеммой перешелкивает внутри меня, и все остальные желания и заботы испаряются, оставляя во мне одну лишь цель: защитить Суитуотер.

Но здесь, в этом желтом школьном автобусе, несущемся по фермерским дорогам, это чувство исчезает. Ни единого кровососа в зоне видимости.

Никто не знает, что появилось первым: Дом воскрешения неупокоенных душ или город Суитуотер. Или, возможно, город Суитуотер был основан группой неупокоенных душ. В любом случае правила просты: они не покидают территорию Дома воскрешения, и моя семья позволяет им продолжать использовать их чары для прикрытия в качестве Пятидесятнического приюта для молодежи на окраине города. Это не идеальный компромисс, но он успешно работал на протяжении более ста лет.

Мне нравится считать это место домом временного проживания или центром реабилитации для вампиров, где кровососы учатся контролировать себя и пить кровь из пакетов от частных доноров. Единственная проблема этого рехаба – туда приходят и уходят только три вида вампиров. Первые – это воспитанные вампиры, которые проходят через Суитуотер после успешного пребывания в Доме. Вторые – это вампиры, которые направляются в Дом и ищут

последнюю живую, дышащую дозу. Третьи – это те, кто приходит в Дом воскрешения, но не находит покоя и выходит оттуда еще хуже, чем был.

Автобус грохочет по гравию на обочине, меня встряхивает, и я просыпаюсь, только в этот момент понимая, что всё это время я то и дело погружалась в сон. Автобус останавливается.

– Похоже, это автобус группы поддержки из Суитуотера, – говорит мисс Родос, выглядывая в водительское окно и указывая на припаркованный впереди автобус с включенными аварийками.

Чувство накрывает меня, словно кирпичная стена. Адреналин. Что бы ни было в этом автобусе, ничего хорошего ждать не следует. И у меня такое чувство, что там все или мертвы, или бессмертны.

Мисс Гарза встает.

– Наверно, он сломался. Может, нам удастся избавить их от необходимости высылать еще один автобус.

Мисс Родос давит на рычаг, пневматическая дверь со скрипом поднимается, открывая непроглядную темень поля вдоль дороги.

Я вскакиваю на ноги.

– Подождите.

Вся команда смотрит на меня. Это не первый раз, когда я появляюсь в центре толпы, кричу «Стойте!» или пытаюсь как-то еще привлечь внимание. Если вы спросите горожан, люди даже расскажут вам, что женщины Крэндалл «исключительные в особом плане, но при этом и мухи не обидят». (Предположительно.) Но в нас нет ничего исключительного, кроме того, что мы знаем о происходящем под носом у смертных больше, чем должен знать любой человек.

– Я, эм, пойду с вами, – в смысле, ну правда, что мисс Гарза будет делать при встрече с вампиром? Бросит ему в клыки свой любовный роман с разрывающимся корсажем на обложке? Ага, это вряд ли.

Мисс Гарза отмахивается от меня:

– Джо, оставайся в автобусе. Ты и вправду думаешь, я позволю ученикам выйти из автобуса на обочину дороги непонятно где? Нет уж, мэм!

Она сбегает вниз по ступенькам прежде, чем я успеваю ответить ей.

Я иду к передней двери автобуса и нависаю над ступеньками. На каждую выездную игру город отправляет один школьный автобус с болельщиками, на котором написано: «Группа поддержки». Чтобы поехать на этом автобусе, необязательно быть учеником школы. Черт, да для этого, наверно, даже не надо предъявлять документы. В конце концов, Суитуотер – такое место, где каждое лицо тебе знакомо. Так что, по сути, в этом автобусе может быть кто угодно и что угодно.

– Отойди назад. Ты слышала, что сказала учительница, – говорит мисс Родос.

– Да, да, да, – бормочу я. Будем надеяться, что я быстрее того, что ждет меня в этом автобусе.

Затаив дыхание, я смотрю, как она идет по обочине. Если бы мы только были чуть ближе, наши фары светили бы чуть дальше, и я смогла бы разглядеть, что, черт побери, там находится.

Слишком тихо. Есть одна вещь, характерная для людей: где есть люди, там есть шум. Вампиры, так как их жизнь растягивается на долгие промежутки времени, тоскуют по тому, что позволяет скоротать это время. Тишина. Темнота. Для людей же сила в количестве. *Намек, намек, мисс Гарза.*

Когда мисс Гарза стучит в дверь другого автобуса, я отключаюсь от всех звуков вокруг меня и сосредоточиваюсь на ней. *Не заходи в автобус, не заходи в автобус, не заходи в автобус.*

Она заходит в автобус. Конечно же, она заходит.

Да ладно, леди.

Я решаю сосчитать до десяти. Так поступают разумные люди. Они считают до десяти. Один, два, три, четыре – к чертям всё это. Я сбегаю по ступенькам вниз и мчусь к другому автобусу, ожидая найти милую, наивную мисс Гарза в луже ее собственной крови, а также склонившегося над ее бездыханным телом вампира.

Я избегаю по ступенькам, и мисс Гарза вскрикивает, потому что я застаю ее врасплох. Я тут же встаю перед ней.

Оглядываюсь вокруг, но... не вижу ни единой капли крови.

– Джо, я же просила тебя остаться внутри, – любезно, сквозь сжатые зубы выдавливает она, отталкивая меня локтем, чтобы пройти вперед.

– Я просто... – *пришла спасти вашу жизнь*, едва не говорю я, но потом вдруг замечаю, что автобус наполовину заполнен болельщиками «Мустангов», и большинство из лиц мне знакомо.

– О, хвала небесам! – говорит мистер Буффорд, спонсор автобуса группы поддержки. – Мисс Гарза предложила нам всем пересесть в автобус команды по чирлидингу. Включая тебя, Дейдра! – говорит он водителю.

Из задней части автобуса доносятся ликующие возгласы.

– Город отправит техпомощь завтра утром, – продолжает он. – А сейчас, пожалуйста, трижды проверьте свои личные вещи. Мы не будем возвращаться за чьими-то телефонами или рюкзаками.

Ну, теперь я чувствую себя просто до крайности неловко. Но всё равно не могу избавиться от своего ощущения. Я окидываю взглядом всех присутствующих, но здесь слишком темно, чтобы заметить кого-то постороннего.

Когда мы загружаемся в наш автобус, я сажусь на свое сиденье, и так как теперь нас намного больше, нам приходится рассаживаться по двое. Почти все пассажиры другого автобуса находят себе места, не вынуждая меня освободить кресло рядом с моим, пока мисс Гарза не восклицает:

– А, вот! Альма, ты можешь сесть рядом с Джолин.

Высокая худая девушка со слегка смугловатой кожей и шелковистыми черными волосами, заплетенными в рыбий хвост на половину длины, садится рядом со мной. Ее кожа касается моей, и я со свистом втягиваю воздух. Те же чары, что защищают от смертных Дом воскрешения, скрывают ее острые клыки за идеальной во всем остальном улыбкой. Еще один бонус моей работы: на меня не действуют чары.

Когда я была ребенком, рядом с городом была маленькая церковь, занимавшаяся укрощением змей. Ну, знаете, это такие придурки, считающие отличной идеей перебрасывать змей туда-сюда, чтобы показать, что бог защитит их от укусов. Конечно, может, бог и существует, и, возможно, он действительно защищает людей, но я не думаю, что где-то в Библии говорится о защите идиотов. Однажды вечером мама и тетя Джемма отправились туда, чтобы оценить ситуацию, и я помню, как услышала их разговор, когда они сидели на кухне.

– Это был какой-то кошмар, – сказала мама. – Словно мы смотрели на толпу ничего не подозревающих людей, танцующих на краю обрыва.

И именно такое ощущение у меня прямо сейчас, в то время как мисс Гарза наклоняется к нам из прохода, а мисс Родос заводит двигатель.

– Джо, это Альма. Она только недавно приехала в Суитуотер. Я сама познакомилась с ней только вчера на четвертом уроке. Так ведь, Альма?

– Да, мэ, – любезно отвечает девушка.

– Добро пожаловать в Суитуотер, – произношу я, выплевывая каждый слог.

– Какой... теплый прием, – отзывается Альма. Мисс Гарза садится рядом с мистером Буффордом.

Когда мы трогаемся и шум дороги становится достаточно громким, чтобы заглушить наши голоса, я поворачиваюсь к ней:

– Я должна убить тебя.

Она смеется.

– Что, прости? – произносит она. – Где твои манеры?

– Ты меня слышала. – Она прикидывается скромницей, но на самом деле точно знает, кто я. Инстинкты, дарованные мне свыше, работают в обе стороны.

– Осмотрительность, – говорит она. – Разве это не один из столпов для вас, охотники? Я уверена, что, кого бы ты ни называла своим боссом, он не придет в восторг, узнав, что ты убила одну из нас в желтом школьном автобусе, набитом смертными.

– Ты из Дома воскрешения, – делаю я вывод. – Уезжаешь или только приехала?

– Откуда ты знаешь, что я не просто проезжала мимо? Может, я медленно прокладываю себе путь до Лос-Анджелеса?

Я усмехаюсь.

– Ага, в автобусе группы поддержки старшей школы Суитуотера?

Она раздраженно фыркает, откидываясь на спинку сиденья в такой совершенно человеческой и знакомой манере, что мне становится не по себе. Эта штучка привыкла быть человеком, и у меня внутри всё сжимается от чувства вины, пока я размышляю, каким человеком она могла быть.

– А может, я просто соскучилась по жизни среди людей? Может, я просто хочу стать на один вечер обычным подростком? – Ее голос звучит так по-девичьи.

На мгновение между нами повисает тишина, прежде чем я издаю нервный смешок. Я не нервничаю из-за нее. С чего бы мне нервничать? Я никогда не нервничала из-за вампира.

И всё же я не думаю, что когда-либо обменивалась с вампиром больше, чем пятью словами. И определенно не с таким... прелестным. Я качаю головой. Прелестный вампир. *Ага, как же.*

Она смотрит на меня пронизывающим ясным взглядом.

– Ух ты, – сдерживая дыхание, говорит она, и выражение ее лица слегка меняется. – Ты и вправду думаешь, что мы все жадные до крови монстры? Не все из нас беснуются в городах, словно толпа парней-подростков в Интернете без родительского контроля.

– Но тебе же для жизни нужна человеческая кровь, так ведь? Так. Конеч. Кроме того, ты явный нарушитель соглашения Дома воскрешения.

– Тебе ведь нужна еда, чтобы жить, верно? Но ты не крушишь каждый продуктовый магазин в зоне видимости. У тебя есть приемы пищи. Ты ешь *приготовленную еду*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.